

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ЛЮБОВЬ
В ЗАКОНЕ

Владимир Григорьевич Колычев

Любовь в законе

**Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=567075

Любовь в законе : роман / Владимир Колычев: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-46129-5

Аннотация

Казалось бы, все хорошо в жизни у Севы Круглова. Молод, красив, строен, девчонки по нему сохнут. В армии служил в Таджикистане, воевал – ни одной царапины, и медаль за героизм дали. Домой приехал, к девчонке, краше которой нет во всем городке. И дом свой он скоро построит – своими руками. Живи да радуйся! Но не все оказывается так радужно. Девчонка-то его, Полина, оказывается, спуталась с вором в законе Макаром. И пошло все наперекосяк у Севы. И с Полиной вместе быть он не может, и забыть ее – тоже. А тут еще Макар начинает бандитские разборки с конкурентами, вовлекая в них Полину, и Севе надо срочно спасти любимую...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	47
Глава 4	65
Глава 5	83
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Владимир Колычев

Любовь в законе

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1993 Г

Глава 1

Исполинская свинцовая туча с фатальной неизбежностью нависала над горизонтом, атакуя землю выстрелами из молниевых пушек. Ослепительные зигзаги насквозь прорезали темное небо, а вслед за этими вспышками по крышам высотных домов катился гром. Дождя еще не было, но дул сильный ветер, поднимая клубы пыли вперемешку с мусором и приклоняя верхушки деревьев. Вечер еще не наступил, а в городе уже было темно; зажглись фонари на столбах и лампы в окнах домов.

Темноты Севастьян не боялся. Пусть погаснет свет, пусть наступит ночь – это его не пугает, ведь с ним Полина, самая красивая и самая желанная девушка на свете. Она освещает его жизнь, и хотелось надеяться, что так будет всегда.

Все два года, что он провел на далекой пограничной за-

ставе в горах Таджикистана, она верно ждала его. Ей было шестнадцать лет, когда его призвали в ряды еще советской тогда армии. Сейчас Полине восемнадцать, и она уже совсем взрослая девушка. И мама его ходила за ней присматривать, и сестра – и все это вовсе не из добрых побуждений. Они хотели уличить ее в непотребстве, но из этого у них ничего не вышло, потому что Полина и порок несовместимы. Может, мать у нее оторви да выбрось, но дочь точно не в нее. И пусть не упрекают его родные в том, что он связался с ней. Полина – лучше всех, и ему не жить без нее.

Она стояла рядом с ним и также смотрела в окно.

– Тебе не страшно? – спросил Севастьян.

Она нежная, хрупкая, стройная и тонкая, как тростинка. Она должна была бояться и молнии, и мышей, и всего, что так пугает женщин.

– Нет.

Бледное лицо Полины было спокойным. Только в глазах печаль и тоска. И гром небесный здесь ни при чем. На днях Полина похоронила бабушку, которая растила ее как свою дочь. Беспутная мать была где-то далеко, отца вообще не было – в общем, девушка осталась полной сиротой. Но бояться ей нечего, ведь Севастьян всегда будет рядом с ней.

Он взял ее за руку. Нежная у нее ладонь, мягкая, но холодная, как будто кровь не греет. Севастьян поднес ее пальцы к губам, жарко задышал.

– Зачем?

Она не отняла руку, но вопрос ее прозвучал неодобрительно.

– Согреть хочу.

– А разве мне холодно?

Ее голос был нежный, певучий, с бархатистыми нотками, но в нем недоставало душевного тепла.

– Ну, мне показалось.

Он обнял ее за талию, чтобы привлечь к себе, но девушка пресекла его попытку.

– Не надо, – слегка поморщилась она, отступив на шаг в сторону.

– Я понимаю, – уныло и неопределенно сказал он.

– Что ты понимаешь? – пристально посмотрела на него

Полина.

– Ну, душа у тебя болит...

Из армии Севастьян вернулся в тот день, когда она похоронила бабушку. В форме, с медалью на груди он пришел к ней домой. Дверь в квартиру была открыта, но, кроме нее, в доме никого не было. На кухне – гора посуды, в гостиной – пустой стол, за которым справлялись поминки. Полина сидела на краешке дивана и отрешенно смотрела в угол комнаты. Увидев его, она долго соображала, кто к ней пожаловал. А когда поняла, кто перед ней, изобразила жалкое подобие улыбки, подошла к нему, лбом ткнулась в его плечо и заплакала. Он попытался ее обнять, но этим только все испортил. Она оттолкнула его, ушла на кухню, встала за мойку. Он то-

гда снял китель, закатал рукава и помог перемыть ей всю посуду, после чего она вежливо, но решительно выставила его за дверь. А ведь он мог ее утешить...

И сегодня она впустила его к себе в дом без особого желания. А ведь когда-то плакала, провожая его в армию, даже позволяла себя целовать. И два года ждала его... Хотелось бы, конечно, проверить, насколько верным было это ожидание, но Полина не подпускала его к себе. А ведь ей уже восемнадцать. Два года назад она была тощей угловатой девочкой с неоформленными, по-детски мягкими чертами лица, а сейчас казалась хоть и худенькой, но вполне сформировавшейся женщиной с аппетитными округлостями. В ее светлых, хрустально-прозрачных, завораживающих, как и прежде, глазах появилась дымчатая поволока, загадочно затуманивающая взгляд. Русые волосы, такие же пышные, сейчас были расчесаны и спадали на плечи ровными струями. Ее лицо и тело, казалось бы, жаждали страстных поцелуев. Только Полина этого не хотела. В душе она так и осталась чистым, далеким от порока ребенком. И Севастьяна она не воспринимала как мужчину...

Он мог понять ее равнодушие к себе. Горе, боль утраты, тоска по любимой бабушке... Но все чаще он ловил себя на мысли, что дело не только в этом.

– И душа болит, – кивнула Полина. – И света не хватает. Как будто жизнь остановилась. Как будто все мы на том свете. – Движением руки она показала на окно, за которым в

сгущающейся темноте сверкала молния.

– Неправда, жизнь не остановилась, – не согласился он. – Жизнь только начинается. Ирины Максимовны нет, но есть я. Мы вместе сейчас. И будем вместе всегда. Я этого хочу.

– А у меня ты спросил, хочу я этого или нет? – тихо сказала она и будто бы в раздумье отвела в сторону взгляд.

Она и сама не знала, хочет она быть с ним или нет. Почему? Может, у нее кто-то есть? Севастьян встревоженно посмотрел на нее.

– Хочешь или нет? – дрогнувшим голосом спросил он.

Полина была красивой девушкой, но взяла она его не только этим. В ней была какая-то изюминка. Нет, самый настоящий бриллиант, драгоценный камень, обладающий невероятной магической силой и притягательностью. Иной раз, с восторгом думая о ней, Севастьян чувствовал, как у него останавливается сердце. Все два года он только и жил ею одной, каждый день писал ей письма, хотя отвечала она нечасто. Но ведь отвечала. И на вокзале в час расставания поцеловала его в губы. Может, и не очень горячо, но ведь от всей души.

Эта девушка была настолько дорога ему, что, безо всякого преувеличения, он был готов за нее умереть. Он просто не имел права терять ее. А вдруг все к этому как раз и катится?

– Не знаю.

– У тебя кто-то есть? – нервно напрягся он.

– В каком смысле? – с искренним непониманием посмотрел

рела на него Полина.

– Ну, в прямом... Может, ты другого себе завела? – спросил он, запинаясь от волнения. – Ну, пока меня не было.

– Кого другого?

– Ну, парня.

– Зачем?

– Ну, зачем девушки заводят себе парней?

– Чтобы с ними дружить. А зачем это мне, если я с тобой дружу?

– Дружишь... – надув щеки, буркнул он. – Холодная у тебя какая-то дружба. Я тебе как будто неродной... А ведь я два года на тебя, как на икону, молился...

– Как на икону? – повеселела она, и взгляд ее потеплел. – У меня весь ящик в столе твоими письмами забит.

– Я думаю, ты бы могла греться у этого стола, если бы зимой вдруг отключили отопление. Там столько тепла, в этих письмах...

– Ты так говоришь, что мне становится страшно, – смущенно посмотрела на него Полина.

– Страшно? Почему?

– Мне кажется, что ты в меня влюблен.

– Тебе кажется? Да я в каждом письме об этом писал!

– Ну да, писал... Только ведь это в письмах... – зарделась она. – А ты здесь, сейчас, со мной. И говоришь так, что меня в жар бросает...

– Говорю. Потому что люблю тебя. Очень-очень люблю!

Он взял Полину за руку, приложил ее ладонь к своей груди. Она не пыталась вырваться, но ее глаза выражали тревогу, с которой голубка наблюдает за приближающейся кошкой. Казалось, она боялась, что Севастьян может ее съесть. Или по меньшей мере задушить в своих объятиях.

– Ты тоже мне нравишься, – сказала она, пряча глаза.

– Я уже взрослый, в армии отслужил, и ты техникум почти закончила. Мы бы могли пожениться.

– Это предложение? – смущенно спросила она.

– Да, если хочешь.

– А если не хочу?

– Не хочешь, чтобы я делал тебе предложение?

– Нет, замуж за тебя не хочу. А может, и хочу... Ты знаешь, как мне девчонки из группы завидовали? – весело вдруг улыбнулась она.

В комнате вдруг посветлело, и Севастьян даже глянул в окно, решив, что это солнце вышло из-за туч. Но нет, на улице по-прежнему было сумрачно, и по стеклу еще хлестал дождь.

– Особенно Зойка.

– Какая Зойка? – раззадорился и он.

– Ну, беленькая такая. Глаза у нее голубые, ресницы большие... Ты должен помнить.

– Почему должен?

– Потому что она тебе нравилась, – с укоризной, но все-таки весело сказала Полина.

– Не нравилась, – упрямо мотнул головой Севастьян.

С Зойкой Левашовой он познакомился в последний год учебы в индустриальном техникуме. Девчонка-первокурсница строила ему глазки, а на одной из дискотек пригласила его на белый танец. Он даже несколько раз проводил ее домой, а однажды целовался с ней в подъезде. Так бы их отношения и развивались, если бы Севастьян не познакомился с Полиной, ее подружкой и сокурсницей. Вот когда он узнал, что такое настоящая любовь. А Зойка отошла на задний план, хотя девчонка она была симпатичная, даже более чем: прелестное личико, изящная фигурка, а выжженные пергидролем волосы нисколько ее не портили.

– Ну не знаю. А ты ей очень нравишься. И Катьке тоже. Они твою фотографию просили, ну где ты в форме. Только я им не дала, показала и все. Может, они бы ее к бабке какой-нибудь отнесли, чтобы она тебя приворожила.

– Ну да, мне такое счастье не нужно, – улыбнулся Севастьян. – Чтобы и с Зойкой сразу, и с Катькой...

– Одна под левую руку будет тебя держать, другая – под правую, – засмеялась Полина. – Так и будешь с ними ходить.

– Ни ходить я с ними не хочу, ни лежать. Мне ты нужна. Только ты!

– Ну не смотри на меня так! – чуть ли не умоляюще попросила его девушка.

– Как?

– Как будто ты в меня по уши влюблен, – покраснела она.

– Почему как будто? Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

Он протянул к ней руку, обнял ее за талию и даже смог на пару мгновений боком прижать к себе. Полина отстранилась, отошла на шаг и неодобрительно посмотрела на него.

– Не надо.

– Почему? – обиженно спросил он.

– Э-э... Мы же в квартире одни, – замялась она.

– И что?

– Ну вдруг забудемся, всякое тогда может произойти.

– Это плохо?

– Плохо. Мы же не муж и жена.

– Можно исправить это недоразумение. Прямо завтра и подадим заявление в ЗАГС.

– Я не знаю...

Полина в раздумье смотрела куда-то мимо него, будто взвешивая в мыслях все «за» и «против».

– Можно и послезавтра, – обескураженно сказал он.

– Да дело не в том, завтра или послезавтра...

– А в том, хочешь ты или нет, – опечаленно заключил Севастьян.

Не хотела Полина выходить за него замуж. Может, умом она и понимала, что за ним будет как за каменной стеной, но ее душа отвергала его. И он, увы, это чувствовал.

– Мы с отцом дом строить начинаем, – сказал Севастьян. – Для меня. Хороший дом построим, большой, хорошо жить будем, лучше, чем другие. Дети у нас будут. Красивые. Такие

же красивые, как ты...

– И ты красивый, – кивнула она. – Зойка говорит, что ты самый красивый.

– При чем здесь Зойка?

– Да так, вспомнила про нее, потому и сказала. Но мне рано замуж.

– Почему? Тебе уже восемнадцать, совсем взрослая. Техникум окончишь, тогда распишемся. А чего тянуть?

– Быстрый ты.

– Ничего себе быстрый! Два года о тебе мечтал.

– Мечтал... – улыбнулась она с оттенком хоть и ласкового, но снисхождения.

– И мечтал, и жил тобой. А дни до дембеля считал, не потому что тяжело было, а потому что тебя хотел поскорей увидеть.

– Меня?

– Ну не Зойку же!

– Ты знаешь, она у нас на курсе самая красивая. За мной никто не бегает, а за ней – все пацаны!

– Ты что, ей завидуешь?

– Нет. Ведь ей ты нравишься. А ты со мной. Только я боюсь, что ты в нее влюбишься, когда увидишь, – без всякого страха и даже переживаний сказала она.

– Исключено.

– А можно я ей скажу, что мы с тобой поженимся? – раззадорилась Полина.

Севастьян улыбнулся с грустинкой во взгляде. Вот она, классическая девичья дружба. Неважно, сколько поклонников у подружки, главное, чтобы любимого парня к рукам прибрать. Нравится Полине Севастьян или не очень, но из желания умыть Зойку она готова принять его предложение... Готова?

– Завтра мы подадим заявление в ЗАГС, тогда можно, – кивнул он.

– Хорошо, завтра мы идем в ЗАГС, – решила она.

– Поверь, ты никогда об этом не пожалеешь!

Севастьян снова обнял Полину за талию, прижал ее к себе. На этот раз она не упрямилась, позволяла себя обнимать, но делала это без охоты. А когда он стал целовать ее волосы, щеки, мочки ушей, ее спина пошла дрожью.

– Ты самая лучшая. Люблю тебя. Только тебя, – возбужденно бормотал он, прижимая ее к себе.

Она прятала от поцелуя свои губы, но это не охлаждало его пыл. Он целовал ее в шею, зарылся лицом под лацкан ее халата, коснулся губами ее ключицы. Запах ее волос, ароматный вкус нежной кожи мутили его рассудок. Его пальцы сами развязали узелок на пояске, развели полы ее халата... Но на этом все и закончилось.

– А не слишком ли ты разогнался? – раздраженно поморщилась она, оттолкнув его от себя.

– Извини.

Он виновато потупил взгляд, чтобы не видеть, как она за-

пахивает халат. Сейчас у него нет особых прав на Полину. Но ведь она согласилась выйти за него замуж и скоро станет его женой. Надо лишь дождаться первой брачной ночи. После двух лет ожидания один месяц казался ему сущим пустяком.

– Тебе уже пора, – сказала она, взглядом показав на дверь.

– Совсем или до завтра?

– Завтра приходи, – обнадежила его Полина. – Только руки не распускай, не надо.

Он хотел сказать, что ее слово – закон для него, но в дверь вдруг позвонили.

– Кто это может быть? – растерянно посмотрела на него девушка.

– Шаровая молния, – пошутил он.

– Да ну тебя, – отмахнулась от него Полина и пошла открывать.

Севастьян вышел в прихожую вслед за ней. Мало ли, вдруг это какой-то буян ломится к ней в дверь. Ему очень хотелось, чтобы так и случилось. Дать этому грубияну в лоб, блеснуть перед Полиной своей силой. Драться Севастьян умел, и кулаки у него – будь здоров.

Но через порог переступила какая-то женщина, немолодая, но еще со следами былой красоты. Светлые вьющиеся волосы на голове, большие раскосые глаза, выразительные черты лица, кожа не совсем свежая, но гладкая, загорелая. А достоинства стройного тела как нельзя лучше подчеркивало тесное и короткое платье леопардовой расцветки. Она мог-

ла бы произвести хорошее впечатление, если бы не хмельная затуманенность ее взгляда и не потасканный вид. Губы ее были ярко накрашены, глаза – как у проститутки, а у красных туфель на высоком каблуке были сбиты носки.

– Привет, Поинка!

Женщина попыталась обнять девушку, но та отпрянула назад.

– Чего вам нужно? – звонко спросила она, жалея о том, что поторопилась открыть дверь нараспашку.

А закрывать ее было поздно, потому что женщина уже зашла в дом, а вслед за ней в прихожей оказался мужчина со спортивной сумкой на плече. Роста он был чуть выше среднего, коренастый, сухощавый, взгляд улыбочивый. Вошедший излучал столь мощную силу, что Севастьяну показалось, будто гость заполнил собой всю квартиру, без остатка.

– Ну, дочка, ты даешь! Мать не узнаешь! Это же я, мама твоя!

Женщина развела руки в стороны, желая обнять Полину, но при этом зачем-то прогнулась назад и согнула ноги в коленях. Может быть, она хотела, чтобы ее поддержал стоящий сзади мужчина. Если она действительно стремилась к этому, то добилась своего. Кавалер обнял ее за плечи и прижал к себе. Только рука очень быстро скользнула вниз, на бедро. И сделано это было ловко, непринужденно.

– Мама?! – оторопело уставилась на нее Полина.

– А ты на себя в зеркало посмотри, – с благодушной насмешкой на губах посоветовал ей гость. – Ну вылитая мать!

Голос у него был грубый и зычный. И еще в нем угадывался умиротворенный рык только что съевшего свою добычу льва. И сам он был похож на этого царственного хищника: массивный лоб, широкое лицо, маленькие с желтизной глаза, приплюснутый нос с широкой переносицей, изогнутая линия рта, суженный подбородок на фоне мощной шеи. Одет он был весьма неплохо, можно даже сказать, с изыском: кожаная куртка, черные широкие джинсы с мощной бляхой на ремне из крокодиловой кожи.

Полина действительно внешне была немного похожа на незваную гостью: та же форма лица, тот же узкий и слегка удлиненный нос...

– А... зачем вы приехали? – оторопело спросила девушка.

– Тебя давно не видела, – всхлипнула вдруг женщина, даже слезы навернулись на ее глазах. – С рождения не видела. Ты же знаешь, твоя бабушка выгнала меня из дома.

Она провела пальцем вдоль глаза, будто смахивая с него слезу, протянула руки к Полине, обняла ее. Девушка напряглась, но вырваться не стала. Похоже, она поверила, что имеет дело с собственной матерью.

– Ты даже не представляешь, дочка, как я по тебе скучала!

В голосе женщины угадывалась фальшь. А еще Севастьян чувствовал сильный запах спиртного.

Он был растерян не меньше, чем Полина, но в отличие

от нее и не думал размякать. Он должен был показать свой характер.

– А ты кто такой? – довольно грубо спросил он у мужчины. – Отец Полины?

В этой ситуации было не до вежливости. Ну есть во внешности гости что-то общее с Полиной, ну и что? Вдруг это мошенники пожаловали к ней? Кто должен был позаботиться о Полине, как не Севастьян? А дерзко себя вести ему было достаточно легко. Он никогда не был тепличным мальчиком, и в армии не раз приходилось прибегать к разговорам с позиции силы – как с дембелями, когда был молодым, так и с афганскими душманами, когда в Таджикистане началась гражданская война.

Мужчина внимательно посмотрел на него. Улыбка сошла с его губ, взгляд затвердел, подавляющее излучение усилилось. Но Севастьян не размяк, не поплыл. Похоже, гость оценил это по достоинству, улыбнулся ему с невозмутимой иронией в ожившем взгляде и даже одобрительно подмигнул.

– Нет, я случайный прохожий. Макар меня зовут, – представился он.

Но руки для знакомства Севастьяну не подал. И сам не спросил, как его зовут. Даже вида не подал, что ему это интересно.

– А ты сам кто такой? – всхлипнув для приличия, покосилась на него женщина.

Она отстранилась от Полины и встала перед ним. Сева-

стьян был выше ее как минимум на полголовы, но это не мешало ей смотреть на него сверху вниз.

– Сева это! – ответила за него Полина.

– Понятно, что не Катя, – небрежно махнув рукой, хмыкнула женщина. – Что он здесь вообще делает? Ты одна, и мужик с тобой... Это нехорошо, дочь!

Она вытянула вверх указательный палец и наставительно помахала им перед глазами Полины. Севастьян невольно усмехнулся. Слышал он, какая слава ходила об этой женщине, – если она, конечно, действительно была ее матерью. С четырнадцати лет всю гуляла со взрослыми парнями, в шестнадцать лет родила, после чего, оставив новорожденную дочь, исчезла из города в неизвестном направлении. И после всего этого она еще смеет поучать Полину!

– Сева – мой жених, – будто оправдываясь, сказала Полина. – Я замуж за него выхожу.

– Замуж?! – вскинув брови, женщина изумленно посмотрела на Севастьяна. – У вас что, молодой человек, женилка уже созрела?

– Созрела, – насупленно ответил он.

– Тонь, ну чего ты к человеку привязалась? – одернул ее Макар. – Нормальный парень... Сколько тебе лет, пацан?

– Двадцать один.

– Хорошее число. Я его очень люблю.

– А я Полину очень люблю. И в обиду никому не дам, – с предостерегающим видом проговорил Севастьян.

– А кто ее обижать собирается? Мы? Плохо ты нас знаешь, парень. Мы мирные люди, никого не трогаем, не обижаем.

– Понял? – поддержала своего кавалера женщина. – Мы хорошие! И не надо тут!..

– И вообще, чего мы тут на пороге стоим? Давай, хозяйка, в дом веди, на стол накрывай.

Не дожидаясь, когда Полина пригласит его, Макар разулся и направился на кухню.

– Да, дочка, нам бы перекусить, – кивнула женщина.

Она не стала разуваться и прямо в туфлях отправилась вслед за своим кавалером. Полина и Севастьян остались в прихожей одни. Они недоуменно переглянулись. Как говорится, слов нет, одни эмоции.

– Надо бы документы у них глянуть, – тихонько сказал он.

– Зачем? Это правда моя мама. Я на фотографиях ее видела. Просто она тогда молодая была. Бабушка ее из дома выгнала, вот она и уехала. Теперь вот вернулась. Ты, наверное, домой иди.

– Как это домой? – удивленно посмотрел на нее Севастьян. – Оставить тебя одну с этими?

– Это мама моя. И не надо о ней так! – возмущенно посмотрела на него девушка.

– Как?

– Плохо, вот как! Ты не видишь, что ли, несчастная она. Запуталась в этой жизни...

– А Макар ее распутывает.

– Это не твое дело! – отрезала Полина и распахнула дверь, чтобы он уходил.

– Ну нет, сначала я разберусь, что это за люди! – упрямо сказал он.

– Да нормальные мы люди, – в насмешливом тоне сказал Макар, выходя из кухни в прихожую. – Не переживай ты за свою девчонку, никто ее не обидит. Видишь, сама она не переживает. И не веди себя, как баба, – добавил он, казалось бы, без особого желания оскорбить Севастьяна.

– Кто баба?! – вскинулся он.

– Я говорю, не веди себя, как баба! – жестко глянул на него мужчина.

Севастьян внутренне напрягся, чтобы выдержать его взгляд. Но на этот раз что-то дрогнуло в нем, и он отвел глаза. Так отскакивает в сторону шарик, из которого вдруг резко начинает выходить воздух.

Макар уловил его слабинку и слегка скривил губы, выражая свое пренебрежение. Но в этот раз он спросил, как его зовут. И даже протянул для знакомства руку, когда Севастьян назвался. Это выглядело как утешительный приз, но его пришлось принять, чтобы не выглядеть упрямым ослом.

– Пошли, Сева, водочки выпьем, – предложил Макар, движением головы показав на кухню.

Упорствовать Севастьян не стал, а Полина его не остановила. Более того, она заняла место у плиты, чтобы приготовить для гостей яичницу. Макар же встал рядом с ней, чтобы

нарезать копченую колбасу, которую он, как и водку, тоже привез с собой.

– Видишь, Сева, мы с пустыми руками в гости не ходим, – не без бахвальства сказал он.

– Какие гости? – скривилась Антонина, мать Полины. – Это мой дом. Я здесь росла.

Привычным движением она скрутила крышку с бутылки водки, наполнила стоявшую перед ней рюмку и в один присест осушила ее до дна, выдохнув горечь на внешнюю сторону своей ладони.

– С возвращением тебя, Тонечка! – пьяно качнув головой, пробормотала она себе под нос.

И только затем разлила водку по рюмкам, которые стояли на столе. После чего хмуро, исподлобья посмотрела на Севастьяна.

– Слышишь, это моя квартира!

Сейчас она была похожа на змею, которая делала стойку, предупреждая о собственной опасности. Атаковать она не собиралась, но давала знать, что наступать на нее ни в коем случае нельзя.

– А кто спорит? – пожал плечами Севастьян.

– Не спорит он... – хмыкнула Антонина. – Знаю я таких, как ты. Жениться он собирается! А чего не жениться, если у невесты двухкомнатная квартира со всеми удобствами. Хорошо ты, парень, устроился!

– При чем здесь квартира? – нахохлился Севастьян. – Я

дом собираюсь строить!

Еще в прошлом году отец приобрел для него замечательный участок на восточной окраине города, у самой реки. Там уже есть газ, свет, водопровод. А дом Севастьян построит за два-три года. Не зря же он индустриальный техникум заканчивал по специальности «Строительство зданий и сооружений». А отец ему и с людьми поможет, и с материалами. Он в строительном управлении работает главным инженером, так что возможности у него есть...

– Хорошее дело, – кивнул Макар. – Дом построить, дерево посадить, сына родить...

– Может, он уже свое дерево посадил, – нахмурилась женщина. – А ну признавайся, было у тебя чего с Полинкой? А то ведь я тебе глаза за нее выцарапаю!

– Эй, ты чего? – Макар посмотрел на нее как на дурочку, затем взял за руку, поднял со стула, сел на него, а ее саму посадил к себе на колени. Она обвила его шею и блаженно сощурилась, как приласканная кошка.

– Полинке твоей уже семнадцать, взрослая девчонка. Ну посадил ей Сева дерево, ну и что? Тем более он жениться на ней собрался, да, Сева?

– Никто мне ничего не сажал! – взбунтовалась Полина. – И, развернувшись к Макару, с досадой глянула на него. – Мне уже восемнадцать, а не семнадцать!

– Тем более, девочка созрела.

– Хватит! – вспыхнула она. – Я не хочу это слышать!

– Все, все, больше ни слова, – засмеялся Макар. – Я смотрю, девочка ты у нас застенчивая. Так это ж хорошо, так и надо...

– У кого это у нас? – встрепенулась Антонина.

– А ты разве не жена мне? – ничуть не смутился он.

– Ну жена, – неуверенно протянула она.

– Значит, я для твоей Полинки – отчим. Ну, типа, отец...

Полин, хочешь быть моей дочкой?

– Всю жизнь мечтала! – съязвила она.

– Значит, твоя мечта сбылась. Поверь, детка, я буду хорошим папой.

Макар смотрел на Полину без всякого вожеления: как женщина она его, казалось, вовсе не волновала, но все же Севастьяну не понравилось его слишком вольное к ней отношение.

– И чем ты, хороший папа, занимаешься? – грубо спросил он.

– Чем я занимаюсь? – дерзко, но без нажима глянул на него Макар. – Да вот, водку с тобой пью!.. Давай, пацан, за знакомство выпьем! А то как не родные.

– Давай выпьем! – весело и разгульно подмигнула Севастьяну Антонина. – Она дернула со стола свою рюмку, протянула ее к нему. – А то правда как не родные!

Севастьян чокнулся и с ней, и с Макаром. Водка пошла легко, хмель очень быстро затуманил голову. И все же ему хватило ума произнести тост за покойную Ирину Максимов-

ну, о которой Антонина даже не вспомнила. Она отозвалась на это предложение, но, как показалось ему, без всякой охоты. Похоже, она не очень-то жаловала свою умершую мать. Но Севастьян понимал, что не он ей судья.

Глава 2

Протяжный стон, раздавшийся из спальни, словно зазубренным ножом полоснул Полину по нервам, заставив ее проснуться. Она знала, как бабушке плохо, как страдает она от предсмертных болей. У нее снова приступ, и ей необходимо сделать обезболивающий укол.

За окном уже предрассветные сумерки, в спальне достаточно светло, чтобы увидеть лежащую в кровати бабушку. Только почему на ней лежит какой-то мужчина? Почему он голый? Что он с ней делает? Да и стоны какие-то странные. Не боль в них, а удовольствие...

– Ой!

Только сейчас Полина окончательно проснулась. И вспомнила, что нет больше бабушки, съела ее болезнь, свела в могилу. А в ее постели с высоко задранными ногами лежит мама и стонет под натиском Макара.

Стыдно! Как же стыдно!.. Уходить надо, убежать. Только ноги ее почему-то вросли в пол и глаза прилипли к Макару. А тот уже остановился, заметив ее присутствие; вот он, обнаженный, поднимается во весь свой рост...

– Что, интересно? – задорно усмехнулся Макар.

Сгорая от стыда, Полина закрыла лицо ладонями, резко развернулась к нему спиной и выбежала из комнаты.

Как же так, почему она не убралась из спальни сразу, едва

только поняла, что там происходит? Почему она так завороченно смотрела на Макара? Нельзя же так. Нельзя! Какой позор!

Полина с головой забралась под одеяло, словно грех как нечто материальное находился где-то рядом с ее кроватью и от него можно было спрятаться... Но постепенно девушка стала успокаиваться.

Ну и что, собственно, произошло? Подумаешь, померещилось спросонья, что больная бабушка зовет на помощь. Полина должна была откликнуться на этот зов, поэтому и зашла в спальню. А то, что мама со своим сожителем занимались любовью за открытой дверью, это их вина. И то, что Макара полностью обнажил в ее присутствии, целиком на его совести. Она всего лишь растерялась и оцепенела от неожиданности. А то, что у людей бывает секс, так это ей давно уже известно. Да и самой ей уже давно было пора попробовать. У Зойки это уже было, у Райки, у Катьки... Тем более Севастьян из армии вернулся, а он парень красивый, сильный... Только почему-то нет у нее никакого чувства к нему. Да, она ждала его из армии и дождалась. Но, может, ей были просто неинтересны другие парни, которые крутились возле нее. Не замирала от них душа, не бурлила кровь в жилах, как весенний сок в древесном стволе. Севастьян тоже не волновал ее. Но ведь когда-нибудь ей придется делать то же самое, что и мама с Макаром. Все женщины делают *это*. Зойка говорила, что ей было приятно...

Полина услышала чьи-то шаги. Неужели Макар? Неужели это он сейчас направляется к ней? Он не такой красивый, как Севастьян, но в нем гораздо больше внутренней силы, мощной, подавляющей энергетики в сочетании с бесшабашностью уверенного в себе человека... Признаться, такое сочетание завораживало. И если вдруг Макар заберется к ней под одеяло... Конечно, она будет кричать и сопротивляться, поскольку она девушка порядочная. Но ведь мир не рухнет, если вдруг *это* сейчас произойдет...

Кто-то взялся рукой за верхний краешек одеяла. Полина вдруг почувствовала, как внизу живота разлилась горячая тяжесть. Такая сильная рука могла быть только у Макара. Сейчас он сорвет с нее одеяло. Хорошо, что на ней ночная рубашка. Но ведь он может задрать подол... Надо ли сопротивляться? Да, конечно, надо. Но ведь ей уже восемнадцать лет, а Макар такой сильный... И еще она видела... Нет, она будет отбиваться! Она не позволит себе пасть в своих же собственных глазах. Но ее пальцы почему-то предательски ослабились, когда чья-то рука потянула одеяло на себя. Какой ужас!

Полина ожидала увидеть Макара, но это была мама. Волосы растрепаны, глаза горят, халат запахнут кое-как. И еще от нее разило перегаром так, что хоть нос затыкай. Они с Макаром вчера на кухне сидели допоздна. Севастьян ушел домой, Полина легла спать, а они продолжали пить водку, а затем легли в постель. Права была бабушка: беспутная у По-

лины мать. Да и без этого уже можно было составить о ней представление: грубая, пьющая, да еще и стонет в постели без всякого зазрения совести.

– Ну и зачем ты к нам приходила? – озлобленно спросила она, подпирая кулаками бока.

– Я думала, это бабушке плохо, – ответила Полина, недовольная тем, что ей приходится оправдываться.

– Какая бабушка? Бабушка уже на том свете.

– Это сейчас. А еще совсем недавно она была жива, – резко поднявшись с кровати, сказала Полина. – И мучилась от болей. Я уколы по ночам ей делала, чтобы больно не было. Ее стоны до сих пор у меня в ушах стоят! В чем ты меня упрекаешь? В том, что я за бабушкой ухаживала? А где ты была, когда она умирала? Ты что, не дочь ей?

– Тихо, тихо! – растерянно замахала руками мама. – Успокойся.

Она села в кресло, забросив ногу за ногу, достала из кармана халата пачку сигарет, взглядом поискала пепельницу на столе.

– Ты уже всю кухню прокурила, – поморщилась Полина. – А здесь курить не надо.

– Какая ты у меня грозная!

– И взрослая. Мне восемнадцать лет уже. Восемнадцать! А тебя я впервые в жизни вижу. Где ты пропадала?

– Где-где... Куда твоя бабушка меня выгнала, там и пропадала. Думаешь, у меня сладкая жизнь была?

– Ты водку зачем пьешь?

– Зачем водку пью? – склонив набок голову, будто прислушиваясь к каждому своему слову, сказала она. – А потому что жизнь черная, а водка белая. Надо же чем-то жизнь эту темную разбавлять.

– Слышала я, как ты свою жизнь разбавляла.

– Не только слышала, но и видела... Не стыдно за голым мужиком подглядывать?

– Я не подглядывала, – стушевалась Полина. – Просто я думала, что там бабушка...

– Ага, бабушка, – хихикнула мама. – Бабушка, бабушка, а почему у тебя такой большой хвост? А это не хвост, детка... Что, может, самой с Макаром захотелось, а?

– Тебе лечиться надо, поняла? – залилась краской Полина.

– Чего?!

– От слабоумия лечиться. И от алкоголизма!

– Это ты родной матери говоришь?

– Где ты была все это время, родная мать? Приехала тут водку жрать!

– Ну ты! Говори, да не заговаривайся! Я к себе домой приехала, поняла? Мы эту квартиру получали! Мы – я, мать, отец. А тебя тогда еще в проекте не было!

– В проекте, – съязвила Полина. – От какого проекта я родилась? Где мой отец?

– Макар будет твоим отцом... Макар! – позвала Антонина.

Полина в смятении нырнула под одеяло, натянув его до самого подбородка, но Макар не стал входить в комнату, а застрял в дверях, высунув голову из проема.

– Чего?

– Полинка дочкой твоей стать хочет.

– Удочерим, не вопрос, – в свойственной ему бесшабашной манере отозвался он.

– Ты сначала на маме женись!

– Так я разве не говорил, что мы – муж и жена?

– Говорил. Только я тебе не верю.

– Может, тебе печать в паспорте показать?

– Видела она уже твою печать, – скабрёзно хихикнула Антонина.

Но Макар лишь махнул на нее рукой. Дескать, давай без глупостей. Он хоть большой и грубый, но похабщины в нем не было. Может, потому он и нравился Полине... Да, нравился. И надо набраться смелости самой себе в этом признаться.

– Нет у нас печати в паспорте. И не будет, – покачал он головой. – Нельзя мне жениться. Это раз. А потом, сейчас у нас в моде гражданские браки, если ты не знала.

– Да ты не оправдывайся, не надо, – не глядя ему в глаза, отрезала Полина. – Я к тебе в дочери не набиваюсь. Да и молодой ты для папочки!

Он был взрослым мужчиной, даже матерым, но все-таки выглядел моложе мамы.

– Почему молодой? Мне тридцать четыре года. Мне шест-

надцать было, когда ты родилась. А в пятнадцать я уже девчонок вовсю рисовал... Жаль, маманьку твою раньше не встретил. Красивая она у тебя баба. Мы с ней здесь жить будем, ты же не против?

– Ну куда от вас денешься, – пожала плечами Полина. – Только водку не пейте.

– Ух ты какая умная, – пренебрежительно хмыкнула мать.

– Тонь, а она правду говорит. Нельзя так часто закладывать. – Макар смотрел на нее с юморком, но его голос звучал вполне серьезно.

– Как часто? Сегодня у меня, между прочим, знакомство с дочерью было. Пивка бы чуть-чуть – и все, баста...

– Без пива обойдешься. Ты не переживай, Полинка, мы из твоей маманьки образцово-показательную женщину делаем. Она у нас хорошая, не смотри, что зубы показывает. Просто ей с мужиками не везло. Не по тем рукам ходила. Ничего, теперь она со мной, а я ей расслабляться не дам.

– Кто тебя спрашивать будет? – с фальшивым пренебрежением отмахнулась от него Антонина.

Но Макар так на нее посмотрел, что у Тони тут же пропала всякая охота дерзить. И ногу с ноги она убрала, и в кресле выпрямилась, как прилежная школьница за партой. Его подавляющую энергию почувствовала и Полина. Ей вдруг захотелось повиноваться ему, хотя видеть своим отцом она его не желала...

– Сегодня никакого пива, ты меня поняла? – жестко ска-

зал он.

– Поняла, – покорно кивнула Антонина.

– И давай в постель. Пусть Полина спит. Ей утром в школу.

– Не в школу, – мотнула та головой, – в техникум. И то у нас только консультации сейчас. Перед экзаменом... Да я могу и не ходить. Я и так на пятерки все сдам.

– Слышь, Тонь, дочь у тебя отличница, – весело подмигнув Полине, сказал Макар.

– Ага, и бабушкам дорогу помогает переходить... Ты мне, дочка, вот что скажи. Какие ты бабушке уколы делала?

– Обезболивающие.

– И что там – димедрол, реланиум?

– Ну, реланиум...

– И что-нибудь осталось?

– Ну, пара ампул. А что?

– Где? – заинтригованно спросил Макар.

– Да там, в спальне, у бабушки в тумбочке. А зачем вам?

– А затем, что выбросить все это нужно, – улыбнулся он. – На свалку истории. Болезнью здесь, в этой хате... в квартире, пахнет. Нехороший, скажу я тебе, запах.

– Да я уже привыкла.

– Ну я тоже не из пугливых. Но все равно, надо бы здесь все освежить... Ничего, я этим займусь. Ты спи давай, а мы лекарства пойдем выбрасывать.

– Да-да, пойдём, – поднимаясь с кресла, закивала мать.

Неужели ее вдохновила идея произвести уборку в квартире? Верилось в это с трудом...

Несмотря на праздную и шумную ночь, Полина проснулась, как обычно, рано, в половине восьмого. В квартире никто не убирался, на кухне беспорядок: грязная посуда на столе, пустые бутылки из-под водки. Полина к такому не привыкла, поэтому ей пришлось надеть фартук и встать к мойке...

Она навела порядок на кухне, приготовила завтрак, пожарила картошку на сале и уже накрывала на стол, когда появилась мама, все такая же растрепанная, в небрежно запахнутом халате. Она взяла с мойки чистый стакан, набрала воды из-под крана и жадно выпила.

– Я вас завтракать хотела звать, – сказала Полина.

– Зачем? – колюче посмотрела на нее мать.

Зрачки у нее были расширены, взгляд отчужденный, блуждающий.

– Ну как зачем? Время уже завтракать.

– А я не хочу. И Макар тоже.

– Ну, может, он хочет? Ты у него спроси.

– А ты что, прикормить его собираешься? Он мой, поняла?

Она ушла. С Макаром они провалялись в постели до самого полудня, и только к обеду им захотелось есть. Но Полина больше не собиралась для них готовить. Впрочем, они не привередничали и налегли на утренний завтрак. Макар да-

же похвалил Полину, чем, надо сказать, сделал ей приятное. И она даже не возмутилась, когда он, сунув в руку мятую десятитысячную купюру, отправил ее в магазин за водкой и продуктами.

Она уже возвращалась домой, когда ее нагнал Севастьян. Высокий, широкоплечий, темные волосы, светло-карие глаза, белозубая улыбка... Но слишком уж нежная у него кожа лица. Не сказать, что Полине это не нравилось, но у мужчины, в ее понимании, должна быть матерость, как у взрослого волка...

– Что это у тебя? – забрав у нее авоську, спросил он.

– Ужин, – равнодушно глянула на него Полина.

– А две бутылки водки – не много для одного ужина?

– Ну ты же пил вчера, ничего? – парировала она.

– А что, надо было отказаться?

– Я не знаю. Мне все равно.

– Что тебе все равно? – насупился он.

– Можешь пить, можешь не пить.

– Да? А то я уже подумал, что тебе уже безразличен...

– Думай. На то у тебя и голова, чтобы думать...

– А я сегодня в техникуме был. Девчонок твоих видел.

– И что? – безмятежно посмотрела на него Полина.

– Ну, тебя там не было.

– Некогда мне было.

– Завтраки готовишь, обеды, ужины, да? Для этих? – кивком показал он в сторону ее дома.

– А чем они тебе не нравятся?

– Откуда они вообще взялись?

– Кто они? Одна из них – моя мать, между прочим.

– Вот именно, что между прочим. Слышал я про твою мать, – завелся Севастьян.

– Что ты слышал? – косо глянула на него Полина.

– Ну, что бросила она тебя. Теперь вот объявилась. И с кем? Мутный этот Макар, не нравится он мне.

– Не нравится... А водку с ним пил. И в рот ему заглядывал.

– Я в рот ему заглядывал?

– Да, ты. И знаешь почему? Потому что ты его уважаешь. Потому что он взрослый. И крутой. А ты еще молодой.

– Молодой?! Да я воевал, если ты не знаешь! У меня медаль «За боевые заслуги»! «Духи» нашу заставу два дня штурмовали! Знаешь, сколько пацанов наших полегло? И мне осколок в каску попал. Я своими руками двух «духов» положил, – разгорячился Севастьян. – А ты говоришь – молодой!

– Ты не говорил мне про осколок, – внимательно посмотрела на него Полина.

Он мог погибнуть в том бою, о котором рассказывал. И она бы очень не хотела, чтобы это случилось. Но если бы вдруг он погиб, плакала бы она недолго. Ну недотягивал он при всех своих достоинствах до Макара...

Полина поняла вдруг, что краснеет. Это мысли о Макаре

вгоняют ее в краску. А нужен ли ей этот грубый балагур?

– В сердце у меня осколок. Потому что я люблю тебя!

– Не шуми, здесь люди. – Полина выразительно pokrutila головой.

Они шли по улице. Справа их обгонял бородатый мужчина в роговых очках; навстречу, переваливаясь, как утка, с ноги на ногу, шла грузная женщина с полной авоськой, из которой выглядывали зеленые стрелки молодого лука. Им совсем не обязательно было знать, кого любит Севастьян. Да и ей самой не хотелось бы этого слышать. Хоть он и хороший парень, но....

– А я не вижу никого, – разгорячился Севастьян. – Только тебя вижу.

– Ну пожалуйста, не шуми, – чуть ли не умоляюще посмотрела на него девушка.

Он посмотрел на нее с грустной досадой и уныло вздохнул.

– Не любишь ты меня.

– Да?! Кто-то говорил, что мы сегодня в ЗАГС должны идти, – вдруг вспомнила она.

– Ну а я зачем к тебе шел? – воодушевился Севастьян.

– Да, но сначала ты в техникум ходил. Зойку давно не видел? – язвительно спросила Полина.

– При чем здесь Зойка? Я в ЗАГС ходил, узнать, что там да как. А в техникум по пути заглянул. У нас еще три часа времени, пойдем?

– Но ты же видишь, я занята, – кивком головы показала она на свою сумку, которую держал в руке Севастьян. – Мне ужин приготовить надо.

– Почему ты? У тебя же мать есть.

– Ну, она сейчас не может.

– Может, у вас кооперация? Ты ужин готовишь, а она водку пьет?

Полина остановилась и резко посмотрела на него.

– Не надо так про мою мать, понял!

– Извини.

– А ужин они сами приготовят, – неожиданно для себя смягчилась Полина.

В конце концов, она не нанималась в прислуги. Да и какой там ужин, если в сумке только хлеб, колбаса, три банки консервированных сардин и две бутылки водки...

Севастьян собрался зайти в дом вместе с ней, но Полина оставила его во дворе. Почему? Наверное, она не хотела, чтобы он встречался с Макаром. И снова – почему?

Мама выбежала в прихожую, едва Полина переступила порог.

– Чего так долго? – раздраженно спросила она, нервно выдернув сумку из ее рук.

– Там очередь.

– Между прочим, нехорошо посылать ребенка за водкой, – попенял ей Макар.

По-хозяйски расслабленной походкой он вышел из спаль-

ни, вплотную приблизившись к Полине. Он был гладко выбрит и благоухал одеколоном. И еще от него пахло крепким мужским духом. Мягким движением руки он провел рукой по ее волосам. Девушка шарахнулась от него так, будто он прикоснулся к ней оголенным электрическим проводом. Но ведь ей совсем не противно было его прикосновение. И такая вдруг истома вязкой патокой растеклась по телу, с жарким тягучим щекотаньем заполняя низ живота. И спина почему-то покрылась гусиной кожей...

– Я уже не ребенок, – мотнула головой Полина.

Чувствуя, как запылала ее щеки, она постаралась убежать от Макара в гостиную, но тот последовал за ней.

– Ну, может, и не ребенок, но тебе еще рано стоять в очереди за водкой.

– Как будто не ты меня послал, – огрызнулась Полина, пряча от него лицо.

– Ну ты же была согласна. А если бы отказалась, я бы настаивать не стал.

– Эй, ты идешь? – донеслось из кухни.

Мама звала своего сожителя в свою компанию, хотя вряд ли бы она отказалась выпить в одиночестве. Впрочем, Полине сейчас было не до нее. Весь мир вдруг сузился в ее глазах до размеров Макара. Сейчас она могла думать только о нем. И мысли эти, увы, были порочны по своей сути. Она это осознавала, поэтому и злилась, и краснела.

Если Макар и услышал, что его зовут, то виду не подал.

Его и самого, казалось, сейчас заинтересовала только Полина.

– Ты говорил, что никакого пива, – напомнила ему девушка.

Как могло показаться, его искренне удивил этот упрек.

– Так нет же пива... Только водка.

– Тем более.

– Понимаешь, мы к новому месту привыкаем. Нравится нам здесь. И то, что у нас такая дочь, тоже нравится, – с самым серьезным видом сказал он. – Отсюда и эмоции. А я не люблю, когда меня захлестывают эмоции. И мама твоя этого не любит. Поэтому нам надо их как-то заглушить... Но поверь, сегодня – в последний раз. Завтра возьмемся за ум. И на работу будем устраиваться. Как нормальные люди.

– Куда?

– Что-нибудь придумаем.

– Макар, ну ты долго? – снова донеслось из кухни.

Но тот и ухом не повел.

– А какая у тебя профессия? – спросила она.

– Проводник я. Проводник в пассажирском вагоне. И мама твоя тоже... Мы с ней в поезде и познакомились. Но буду с тобой честен, мы уже полгода не работаем. Обстоятельства, так сказать, – с сожалением развел руками Макар.

– Водка? – первое, что пришло на ум, спросила Полина.

– Ну, не совсем. Просто решили сделать небольшой перерыв. Вагончик жизни, так сказать, покатился под уклончик. Но ничего, теперь мы потянем его наверх в гору. Ведь у нас

теперь есть полноценная семья. Мы с твоей матерью и ты, наша дочь. Или нет?

Полина растерянно пожала плечами. В принципе, она рада была тому, что вдруг обрела семью. Но почему-то очень не хотелось, чтобы Макар был ее отцом. Молод он для этого. И вообще...

– Выпьешь с нами? – вдруг спросил он.

– Я не пью! – возмущенно сказала Полина.

Вчера у нее не было никакого желания составить компанию маме, Макару и Севастьяну. Да никто ей и не предлагал. А сегодня вдруг такое предложение.....

– И правильно, – одобрительно и без всякого юмора посмотрела на нее Макар. – Именно это я и ожидал услышать. Рано тебе еще пить.

– Почему рано? Мне уже восемнадцать! – в который уже раз напомнила Полина.

– Все равно ты еще маленькая, – не согласился с ней Макар.

– А вот и нет! – Дух упрямства, казалось, схватил ее за шкуру и приподнял над полом. – Я уже не маленькая! И выхожу замуж!

– За Севу? – ничуть не удивился Макар.

И это почему-то задело ее за живое.

– Да, за него! Мы сейчас идем в ЗАГС заявление подавать!

– Ну что ж, это твой выбор.

Ей почему-то казалось, что Макар должен был ревновать.

Или хотя бы просто возражать. Но ведь он только рад тому, что у нее будет муж.

– А тебе что, все равно? – негодуяще спросила она. – Может, Сева плохой...

– Да нет, нормальный парень. Ответственный. Дом строить собирается.

– Ага, и дерево посадить...

– Ну а как без этого? Ладно, не буду тебе мешать. Ты, главное, на мать свою не обижайся, ну и на меня. Мы сегодня выпьем немного, а завтра – все, никаких больше загулов!

Задорно подмигнув девушке, Макар повернулся к ней спиной. Вот оно что. Ему все равно, что у нее будет муж, – главное, чтобы Полину не возмушало их очередное с мамой застолье. Да пошел он к черту!

Из дома Полина вышла на взводе. Едва глянув на Севастьяна, кивком головы велела ему следовать за собой. Ну не любит она его. Не любит. Но все равно выйдет за него замуж. Хотя бы назло Макару.

В ЗАГСе они подали заявление, а затем пошли в кино. В пустующем зале, пользуясь случаем, Севастьян обнял Полину за плечи, нежно и с трепетом поцеловал в щеку, потом попытался ртом нащупать ее губы, но она пресекла это поползновение. Но когда его рука легла ей на коленку, неожиданно для себя раздвинула ноги. Она вдруг представила, что рядом с ней сидит Макар и это он дает волю рукам... Но фантазии хватило ненадолго. Севастьян не обладал той вол-

нующей энергетикой, которая заставляет женщин терять голову, и его возня под юбкой очень скоро надоела ей. Никакой он не Макар. Да и Макару бы она не позволила распускать руки. Наверное...

Домой она вернулась поздно, но ни мама, ни ее сожитель не обратили на нее никакого внимания. Они сидели на кухне, пили водку, курили. Полину мучило от табачного дыма, но возмущаться она не стала. Ее тянуло к Макару, и как бы она на него ни злилась, хотелось быть рядом с ним.

– Ну как, стала невестой? – с хмельным задором спросил он, не выпуская из губ сигарету.

– Тили-тили тесто... – пьяно хихикнула мама.

Полина раздраженно глянула на нее. Дура дурой, да еще и затасканная, как дама пик в старой карточной колоде. Но какого мужика отхватила!..

– Да, представь себе! Жених и невеста!

– А жить вы где будете? – спросила мама.

– А тебя только это волнует? – с вызовом спросила Полина.

– Ну, жилищный вопрос – не последнее дело, – сказал Макар.

Мама хотела кивнуть, но всего лишь уронила голову на грудь, не в силах поднять ее обратно.

– Да? А я разве не говорила тебе, что бабушка приватизировала эту квартиру?

– Приватизировала?! – встrepенулась мама.

У нее вдруг появились силы, чтобы поднять голову. И желание, чтобы посмотреть дочери в глаза.

– Да, приватизировала! – злорадно усмехнулась Полина. – И наследство на меня оформила.

– Но я же здесь прописана, – осоловело смотрела на нее мама.

– Прописка у тебя только в паспорте.

– Она не могла... Она не могла притева... приватизировать без моего согласия.

– А вот смогла!

– Я буду жаловаться...!

– Остынь! – жестко глянул на маму Макар.

И она усмирительно затихла, снова уронив голову на грудь.

– Ты, дочка, не обращай на нее внимания, – махнув на нее рукой, в примирительном тоне сказал он.

– Какая я тебе дочка? – с досадой спросила Полина.

– Ну как это какая? Такая, что замуж тебя отдаю. Дочку замуж отдаю, слышишь? Выпить за это надо!

Он потянулся к стоящей на столе бутылке, но спохватился и отдернул руку.

– Ты же не пьешь. Но себе налью, если не возражаешь.

– И мне тоже! – решительно посмотрела на него Полина.

– Ну, если ты решила взрослеть...

Он налил ей полную рюмку, и себя не обделил, и маму, которая ожила, услышав звук льющейся жидкости.

Полина выпила, сморщившись от горечи, а Макар протя-

нул ей нанизанный на вилку колбасный кружочек. И тут же ей в голову пришла мысль, что ей нравится есть из его рук. Она даже зажмурилась от удовольствия, снимая губами этот кружок.

Водки в рюмке было немного, граммов пятьдесят, не больше, но Полина сразу же захмелела. А Макар предложил добавить, и она не стала отказываться. Ведь пили за то, что она стала невестой.

А потом водка вдруг закончилась, и Макар увел маму в спальню, пожелав Полине спокойной ночи. А ведь она и сама покачивалась после трех рюмок, ей тоже нужна была помощь. И еще она хотела бы оказаться в объятиях Макара. Ведь неспроста же он наливал ей водку. Значит, хотел от нее чего-нибудь такого непотребного.

Но Макар и не думал выходить из спальни, чтобы помочь Полине добраться до дивана, который, ко всему прочему, нужно было разобрать. Пришлось ей делать все самой.

Раздеваясь, она представила, как разойдутся сейчас дверные занавески и в комнату тихонько войдет Макар. Она, конечно, будет сопротивляться, но его ничто не остановит. Ведь он же чертовски сильный. Она уступит ему. Потому что хочет этого...

Она легла, свернувшись калачиком, под одеяло. Страшно. Что, если вдруг Макар все-таки решится на запретный шаг? И грустно. Что, если он и не думает совращать свою «дочь»?..

Время шло, а он все не появлялся. В конце концов Полину сморил сон.

Проснулась она утром в полном одиночестве. Макар, оказывается, и не думал покушаться на ее девичью невинность. И Полина мысленно поблагодарила его за это. Но вместе с тем и упрекнула его в неподконтрольной разуму глубине души.

Глава 3

Ветер дул не очень сильно, но как-то плотно и упруго, и даже казалось, что река течет не сама по себе, а под его нажимом... Вот так же и Севастьян пытается влиять на нее, но ему только кажется, что это у него получается. На самом же деле она живет сама по себе. И совсем не важно, что заявление уже в ЗАГСе: в любой момент она может отказаться от него. Пока не поздно... Не хочет она замуж, но почему-то нет желания сопротивляться судьбе-течению. Может, и доплывет до брачного венца...

– Смотри, какие здесь березы! Как невесты, на ветру танцуют, – радовался Севастьян.

Но Полина почему-то смотрела на плакучую иву, склонившуюся к самой воде. Если станет она невестой, то будет как эта ива: выйдет она из дома на речной берег, склонится к воде, будет лить слезы...

Севастьян показывал ей участок, на котором собирался строить дом.

Почти две недели он пропадал, но сегодня вдруг объявился. Приехал за ней на стареньком, но неплохо сохранившемся «Москвиче», сказал, что это подарок от отца, за трудовые успехи. Оказывается, все это время, что его не было, он строил забор вокруг участка. Сносил старый, ставил новый, высокий, из плотно подогнанных досок, правда, по фасаду

не достроен и со стороны реки еще только лента фундамента и железные столбы. А участок хороший, на самом берегу, и березки на ветру шелестят...

– Завтра-послезавтра пролеты закрою, – вдохновенный собственным энтузиазмом, сказал он. – А потом под фундамент рыть начну.

– Сам?

– Ну да. По будням сам буду строить, а по выходным отец помогать будет. И еще он отпуск возьмет... Отец говорит, что на работу мне устраиваться не надо. Здесь, говорит, работать буду. Дом построишь, говорит, и женись.

– Ты что, за месяц дом построишь? – встрепенулась Полина.

– Почему за месяц? Тут знаешь сколько работы?

– А это ничего, что у нас через две недели срок в ЗАГСе наступает?

– Ну, это само собой! – загорелся, но тут же потух Севастьян.

– А ты меня даже с родителями не познакомил, – ударила его Полина по самому больному месту.

– Э-э... – замялся он. – Обязательно познакомлю...

– Но сначала дом построишь, да? – ехидно спросила она.

– Да нет, дом – это долго... Знаешь, давай завтра, – нерешительно сказал он.

– Что завтра?

– Ну, завтра ко мне домой пойдем. С родителями позна-

КОМЛЮ.

– А чего ты так разволновался? – язвительно усмехнулась она. – Мама из-за меня ругает, да? Я для нее – плохая девочка?

– Ну нет, что ты... – еще больше смутился Севастьян.

– У меня наследственность плохая. Отца нет, мать – гулящая. И твоя мать это знает. И тебя отговаривает. Только не говори, что это не так.

– Да нет, ты не так все понимаешь, – опустив глаза, мотнул он головой. – Моя мама неплохо к тебе относится. И сестра тоже. Знаешь, они следили за тобой...

– Они? За мной?

– Ну, думали, что ты гулять будешь, пока я служил. А ты не гуляла, дома сидела, и они честно мне об этом сказали.

– Да что ты говоришь!

– Честно сказали, – угрюмо повторил Севастьян. – А могли соврать.

– И ты бы им поверил, да? – подняла его на смех Полина.

– Ну нет, конечно, – сфальшивил он.

– Поверил бы. Поверил! А мне поверишь? Поверишь, если я скажу, что могла бы загулять? Могла бы! А что, разве я на монашенку похожа? Нет! Просто бабушка очень болела, ухаживать за ней надо было. А так бы я загуляла. Ну чего смотришь? Иди к своей мамочке, скажи, какая я плохая!

– Зачем ты так? – угнетенно вздохнул он. – Ты же ничего не знаешь.

– Чего я не знаю?

– Ну, с родителями правда проблема... Отец вроде ничего, а мать заупрямилась.

– И что?

– Да то, что мне все равно! Не будет свадьбы – и не надо! И без свадьбы хорошо. Не согласна мать, и не надо, – разошелся Севастьян. – Так распишемся, без свадьбы.

– Как это без свадьбы? – Полина не стала его щадить. – Я без свадьбы не хочу!

– Ну, свадьбу можно потом... Ну, когда мама успокоится... – Севастьян страдальчески скривил губы. – Ты пойми, я ведь на нее не посмотрю, я все равно на тебе женюсь.

– А мне такие жертвы не нужны. Или свадьба, или ничего, – усмехалась Полина.

Не любит она Севастьяна, но не знает, как ему об этом сказать. Может, он и понимает, что нет у нее чувства к нему, но ведь все равно гнет свое. Жениться на ней хочет, причем вопреки всему... Но теперь у нее будет повод отказать ему. И пусть он родителей своих за это благодарит.

– Я обязательно что-нибудь придумаю! – Он умоляюще смотрел на нее.

– Думай-думай. Срок у тебя – две недели. А потом извини... Ну, мне домой пора.

– Опять к этим? – невольно поморщился он.

– К кому к этим?

– Ну, мать твоя и этот, Макар...

– А чем тебе моя мать не угодила?

– Да не мне...

– Ах да, твоей матери! А она, я смотрю, в курсе. Вроде бы и город у нас не маленький, а все как в деревне.

– Ну, есть типа добрые люди.

– Ты за мою мать не переживай. Они с Макаром на работу устроились, на железную дорогу, проводниками в пассажирский поезд. В дороге они сейчас.

Уже неделя прошла, как мама с Макаром отправились в свой первый рейс. Долго их нет, но это вполне объяснимо: поезд до Владивостока – совсем не ближний свет, пока туда, пока обратно...

– И ты сейчас дома одна?

– Хочешь у меня погостить?

– Ну, не знаю...

– Под юбку залезть? А что, у меня наследственность такая. Мать по шалашам всю жизнь, и дочь такая же, да? Только ничего у тебя не выйдет!

– Да ты не так меня поняла!

– Ты отвезешь меня домой или мне пешком идти?

Его «Москвич» стоял перед въездными воротами. Впрочем, они пока существовали только в проекте. А сейчас прямо туда прогулочным шагом направлялись две девушки, в одной из которых Полина узнала свою подружку Зойку, белокурую, с голубыми глазами, красивую, модную, в белой шелковой кофте чуть ниже талии, черных блестящих лоси-

нах, туфлях на высоком каблуке. Сияющий взгляд, белозубая улыбка... Она была столь эффектна, что затмевала собой всех, кто находился рядом с ней. Вот и сейчас Полина едва обратила внимание на девушку, шедшую с ней рука об руку. Да и Севастьян смотрел только на Зойку.

– Сева! Полинка! – обрадовалась блондинка.

С гладко укатанной дороги она сошла на подъездную, где стоял «Москвич», но шуршащий гравий под ногами не искал ее фирменную, от бедра, походку. Ноги у нее длинные, стройные, ей не нужно было прилагать никаких усилий, чтобы походка казалась естественной. А кофта на ней была короткая и полупрозрачная, она просвечивалась на фоне клонящегося к закату солнца. Натура у нее такая, провокационная, нравится ей парней дразнить.

– Твоя матчасть? – спросила у Севастьяна Зойка, с легкой, почти безобидной насмешкой глянув на его «Москвич».

– Моя.

– И машина блестит, и сам в чистом. А то как папа Карло с этим забором, – обращаясь к Полине, весело сказала она.

– Ты про забор откуда знаешь? – подозрительно покосилась на нее девушка.

– Так я рядом живу. – Зойка показала на высокий двухэтажный дом из красного кирпича. – Родители построились, я тебе говорила.

Квартал действительно состоял из новостроек, где-то законченных, где-то не совсем; хватало и пустующих участков.

– Да, кстати, это Вика, соседка моя, – представила свою спутницу Зойка. – Вот, на дискотеку идем. Тут до остановки три дня лесом, ну ты меня понимаешь...

– Не знаю, не пробовала, – покачала головой Полина.

– Ну да, мы же на машинах ездим... А вы уже уезжаете? Может, нас подбросите?

Не дожидаясь ответа, Зойка открыла правую переднюю дверцу, села в машину. Полина с открытым ртом наблюдала, как она занимает ее законное место. Но Севастьян молчать не стал.

– Тут Полина сидит, – смущенно сказал он.

Но Зойка лишь отмахнулась.

– Ой да ладно вам! Я ж на тебя не претендую!

Севастьян развел руками. Не вышвыривать же Зойку из машины. Полина пожала плечами. Скандала она не хотела, но при этом была совсем не прочь стать свидетелем унижения своей подруги.

Она села рядом с Викой, и машина, фыркнув, отправилась в путь.

– Сева, я же на тебя не претендую, – повторила Зойка, разгоняя рукой как веером воздух перед собой.

Полина сидела слева и видела, как задралась и без того короткая Зойкина кофта. И ноги она так поставила, что ее левое колено едва не касалось рычага коробки передач. Переключая скорости, Севастьян невольно задевал пальцами Зойкину ногу, и похоже, что ей это нравилось. Возможно, и

ему тоже.

– Я на него претендую! – разозлилась Полина.

– Да я в курсе. Сева говорил, что свадьба у вас скоро, – не оборачиваясь, бросила через плечо Зойка.

– Когда он тебе это говорил?

– Ну, когда забор строил. Я к нему иногда приходила. Ничего? Ты же не ревнуешь?

– А если ревную?

– Так ничего не было. Мать у меня вкусный квас делает, да, Сева?

– Ну да, вкусный, – не отрывая глаз от дороги, напряженно кивнул тот.

– И холодный... Жарко, знаешь ли.

– И вода в реке тоже такая прохладная, да?

– Ну да, хорошая вода... Только ты не думай, мы с Севой голышом не купались. Да, Сева?

– Не купались.

– Я в купальнике, он в плавках. Все прилично было... Так что ты не ревнуй, мать, мы с ним как брат и сестра...

– Ага, сначала как брат и сестра, а потом уроды всякие рождаются! – выплеснула Полина, не в состоянии сдержать свой гнев.

– Какие уроды? Ты что несешь, мать? – возмутилась Зойка.

– Сева, останови машину! – потребовала Полина.

– Ну чего вы? Хватит вам дурью маяться! – воззвал тот к

разуму девушекек.

Но Полина была неумолима.

– А я сказала, останови! Или я сейчас на ходу выпрыгну!

Ему ничего не оставалось, как нажать на тормоз. Полина вышла из машины, громко хлопнув дверью, свернула в ближайший проулок и пошла куда глаза глядят. Но Севастьян очень скоро нагнал ее и уговорил вернуться в машину. Согласилась она только потому, что Зойки там уже не было.

– Нашла кого слушать!

Выглядел он опечаленно, но в голосе угадывался ликующий мажор. Ему льстило, что Полина устроила сцену из-за него. А ведь она действительно его приревновала. И пар до сих пор еще не выпущен.

– Я просто видела, как ты на нее смотрел! И она для тебя вырядилась. Идет, восьмерки крутит, сиськами трясет... Как будто у меня хуже.

– Не знаю, не знаю...

– Чего ты не знаешь? У нее щупал, а у меня – нет?

– У нее я тоже не щупал, я на нее только смотрел.

– А ей нравится, когда на нее смотрят... Теперь я понимаю, почему ты забор не достроил. На речку часто бегал, да?

– Ну чего ты завелась? Не было ничего. И не могло быть. Я тебя люблю. Только тебя. И Зойка меня нисколько не волнует.

– Нисколько-нисколько?

– Ну, красивая баба, кто спорит. Но поверь, я к ней ровно

дышу. Вот если бы мы с тобой на речке купались, тогда...

– Может, еще грудь напоказ выставить? – хмыкнула Полина. – Или на ощупь дать?

– Мы, между прочим, с тобой почти муж и жена.

– Это намек или требование?

Севастьян многозначительно промолчал. Дескать, сама догадывайся...

Полина в раздумье поправила волосы над ухом. Севастьян уже взрослый парень: и техникум закончил, и в армии отслужил, даже повоевать успел. И ей восемнадцать...

– А Зойка тебе правда не нравится? – в примирительном тоне спросила она.

– Нет. Хотя...

– Что хотя?

– Ну, если бы я не знал тебя, то, наверное, мог бы продолжить с ней. Ты же знаешь, у нас был небольшой роман...

– Да, но ты же теперь со мной.

– В том-то и дело. Поэтому на Зойке поставлен жирный крест. Даже если ты меня отфутболишь, я к ней уже не вернусь...

– Чего так?

– Мне никто не нужен, кроме тебя.

Полина с сомнением посмотрела на него. Вроде бы и всерьез он это сказал, только веры почему-то нет. Слишком уж хороша Зойка. И Севастьян ей нравится. Видно же, что нравится... Нет, не стоит давать ему отставку. Хороший он па-

рень. И красивый. А то, что не замирает сердце при мысли о нем, так в этом она, возможно, сама виновата. Потому что не пережила с ним головокружительный момент. Может, после *этого* Севастьян станет самым дорогим и милым ее сердцу мужчиной. Возможно, и Макар перестанет волновать темную сторону ее сознания.

– Ты должен отвезти меня домой, – тихо сказала она.

– Везу.

– Если хочешь, можешь побыть у меня.

Севастьян хотел, и Полина вскоре об этом пожалела. Он набросился на нее, как только за ними закрылась дверь, прижал ее к стене, ртом поймал ее губы, с жадностью принялся их терзать, слюнявить. От него хорошо пахло, и брезгливости вкус его губ не вызвал, но Полине совсем не нравилось то, что он делал. И только любопытство удерживало ее в его объятиях. Вдруг случится чудо и она ощутит непреодолимую силу его притяжения... Вдруг она поймет, что жить без него невозможно и бессмысленно...

– Люблю... Люблю тебя, – в исступлении пробормотал он, с трудом отказавшись от поцелуя, чтобы вместе с ней из прихожей перебраться в гостиную.

– Ты не спеши, не надо...

Она должна была пройти весь путь. Но слишком уж быстро Севастьян гонит коней. А ей сейчас передышка нужна, чтобы хоть ненадолго пополнить запас терпения.

Сначала он усадил ее на диван, затем уложил на спину,

просунул руку под кофточку...

Полина не могла одеваться так же ярко и модно, как Зойка: не хватало для этого средств. И кофточка у нее серенькая, неприглядная. А бюстгальтер и вовсе не выдерживал никакой критики. Может, потому ей и захотелось поскорей раздеться до пояса. Джинсы у нее – устаревшие «мальвины», но смотрятся прилично, поэтому их можно не снимать. Пока...

Севастьян будто чувствовал, что можно делать, а чего пока не стоит. Полина вмиг осталась без кофточки и с обнаженной грудью. Его губы коснулись ее сосков, но и это не доставляло ей никакого удовольствия, хотя и отвращения она не испытывала. Севастьян ласкал ее, а она лежала и смотрела в потолок, желая только одного, чтобы все это поскорее закончилось...

И ее желание сбылось, но совсем не так, как она этого хотела. Ее слух вдруг уловил, как скрипнула тихонько дверь в комнату. Она была открыта, и, похоже, кто-то коснулся ее рукой, чтобы заглянуть в гостиную. Это могла быть и мама, и Макар, а может быть, и они оба... Отталкивая от себя Севастьяна, Полина глянула в сторону двери. Это был Макар. Заметив ее взгляд, он шагнул назад и скрылся из вида.

– Пусти! – Полина спрыгнула на пол, дотянулась до лежащей на полу кофточки.

В это время хлопнула входная дверь. Это вышел из дома Макар, видимо, чтобы не мешать.

– Кто там был? – запыханно и недовольно спросил Сева-

стьян.

– Кто-кто, домовый!

– Да, и дверью хлопнул... Кто там был, мама твоя?

– Мама бы истерику закатила, – застегивая пуговицы, мотнула головой Полина.

– Макар?

– Он мужик. Он сцены закатывать не будет, – кивнула она.

– Ты же говорила, что он в рейсе.

– Должен же он был когда-нибудь вернуться.

– Значит, вернулся. И зашел тихо-тихо, как вор... Но мужик, не вопрос. Не стал нам мешать. Уважаю... Пусть немного погуляет, да?

Севастьян снова протянул руки, чтобы обнять ее, но Полина воспротивилась. Хватит с нее экспериментов.

– Лучше ты погуляй. А мне ужин приготовить нужно. Человек из рейса вернулся, его покормить надо. Да и мама с ним...

Полина с волнением думала о Макаре, но мысль о маме повергала ее в уныние. Не хотела она видеться с ней. Не хотела, чтобы Макар сотрясал ее в спальне... Ей самой хотелось остаться с ним наедине. Запретное желание и постыдное, но сейчас ей было все равно.

– А когда у них следующий рейс? – удрученно спросил Севастьян.

– Не знаю. Но ты мне позвони, я скажу. Ты можешь пока забор достраивать.

– Ты бы могла ко мне приезжать, ну, на участок...

– Хорошо, приеду.

Полина готова была наобещать ему с три короба, лишь бы только он поскорее убрался. И с облегчением вздохнула, когда закрыла за ним дверь. Но очень скоро, затаив дыхание, она замерла в напряженном ожидании. Это появился Макар. Он был один, без мамы. И это пугало Полину. Только что она хотела остаться с ним наедине, но сейчас готова была крикнуть на него, чтобы он обиделся и ушел. Она боялась не его, а саму себя.

Макар вошел в комнату с бравурной улыбкой на губах, окатив Полину запахом одеколona. Ворот его новой шелковой рубашки был расстегнут чуть ли не до пупа; на фоне волосатой груди виднелась толстая золотая цепь с крестом, у основания которого отливал серебром непропорционально крупный череп.

– Я вам тут, кажется, помешал, – вроде бы извинительным тоном, но ничуть не раскаиваясь в своем поступке, сказал он.

– Не кажется, а помешал, – исподлобья, демонстрируя свою независимость, посмотрела на него Полина.

– Ну да, вы же у нас жених и невеста.

– А тебе что, завидно? – с вызовом, но вместе с тем и с надеждой спросила она.

– Вообще-то, у меня жена есть, – с небрежной усмешкой сказал он.

– И где она?

– Если ты про маму, то ее пока нет. Послезавтра будет. Поезд дальше пошел, на Москву, пока туда-сюда... А я вот сошел, устал с непривычки. Антонина сама, без меня управится. Я там продуктов купил: икра, сыр, бастурма, вино французское... Аванс выдали, можно гулять... Ты бы что-нибудь приготовила, дочка. Или у тебя дела с Севой?

– Мои дела никого не касаются! – дерзко отрезала Полина.

Но на кухню она пошла, достала из коробки старые, просохшие картофельные клубни, взяла нож, стала к мойке. Макаре сел на стул в шаге от нее, она спиной почувствовала его липкий взгляд. И по этой же спине полчищами поползли мурашки. А от слабости в руках нож едва не вываливался из пальцев.

– Сева классный парень, мне нравится, – сказал он. – Слащавый, правда, немного, совсем чуть-чуть, но характер у него есть. Я, конечно, не пророк, но мне кажется, этот пацан далеко пойдет. Ты с ним как за каменной стеной будешь.

– Это что, агитация? – недовольно спросила она.

– Нет, это совет. Ты же мне почти как дочь, хочу, чтобы у тебя все хорошо в жизни было. А Сева ради тебя на части разорвется, но все у вас будет.

– Что будет?

– Ну, деньги и все такое...

– А что, в деньгах счастье?

– Нет, но и без денег никуда. Все вокруг них, проклятых, вертится. Да ты и сама знаешь, каково это – на бабкину пен-

сию жить...

– Ничего, я привыкла.

– И все равно, прикид неплохо было бы сменить. В смысле одежду.

– Зачем?

– Ну, чтобы красивая была, нарядная.

– Я и без одежды красивая.

– Ну, в этом я не сомневаюсь, – засмеялся Макар.

– Я не то хотела сказать, – зарделась Полина.

– Нет красивей одежды, чем совсем без одежды. Или ты со мной не согласна?

Она услышала, как скрипнули ножки стула, почувствовала, как Макар приблизился к ней, жарко дыхнул в шею.

– Я не знаю, – чувствуя, как слабеют в коленках ноги, пробормотала девушка.

Ее голова сама по себе клонилась назад, чтобы затылком лечь на крепкое мужское плечо. Еще немного – и ноги перестанут удерживать внезапно разомлевшее тело, и ей ничего не останется, как рухнуть в объятия Макара. Она боялась этого, но...

– Тебе и не надо знать. Главное, чтобы я это знал.

Она почувствовала, как его руки легли ей на плечи, но их тяжести она не ощутила. Сильные пальцы нежно принялись массировать шейные мышцы. Перед глазами все поплыло, потолок плавно закружился, наращивая обороты, тело будто вошло в состояние невесомости... В объятиях Севастьяна

ничего подобного она не ощущала. А о том, что происходило сейчас, она мечтала всегда. Реального времени больше не существовало, была только пропасть, в которую можно было упасть совершенно без страха и разбиться насмерть.

– Мне почему-то кажется, что Сева – не твой мужчина, – громко и горячо прошептал ей на ухо Макар.

– Он мой парень... Но не мой мужчина, – кивнула она, удивляясь тому, что еще может что-то соображать.

– Тогда тебе нужен настоящий мужчина.

– Нужен.

– Знаешь, где его взять?

– Ты знаешь.

– Смотри, ты сама этого захотела.

– Захотела, – эхом и с желанием отозвалась она.

Кофточка будто растворилась в воздухе, так нежно и ловко снял ее Макар. И тело вдруг воспарило – это его подняли сильные руки. На какие-то мгновения Полине показалось, что она в лодке, а вокруг огромные штормовые волны, которые несут ее к берегу. Ну и пусть! Шторм вынесет ее на остров, который станет райским, если даже там живут дикари...

Макар опустил ее на кровать, на ту самую, где Полина видела его со своей матерью. Штормовое волнение усилилось, и еще больше захотелось на дикий остров... Ну почему Макар не торопится? Почему она до сих пор в джинсах? А какой у него горячий язык! А как быстро и до боли затвердели обнаженные соски. Нет, это не Севастьян с его ураганным

ветром над спокойной гладью моря. Ветер есть, а волнения нет... Зато какой шквал страстей вызывает Макар! Он мощный, сильный. Он роняет ее в бездну, но Полина точно знает, что на самом дне он подхватит ее на руки, вернет обратно в привычное измерение. Хотя нет, реальность, в которой они после всего *этого* окажутся, будет совсем другой...

Глава 4

Удар. Еще удар. Последний гвоздь в последнюю доску. Тук-тук, тук... Севастьян обессиленно опустил руку с молотком. Все, на сегодня дело сделано. Разжать бы пальцы и выпустить инструмент из рук. Но делать этого нельзя. Молоток для него сейчас все равно что автомат для бойца, а оружие нельзя бросать ни при каких обстоятельствах, и наказание за это последует – смерть от вражеской пули как максимум или выговор как минимум. А еще это плохой знак. Сначала теряешь оружие, а затем и саму жизнь. А в гражданской жизни чуть по-другому: сначала потерял молоток, а затем и удачу. А как жить без удачи?

Отец и мать шли сзади, докрашивали последнюю секцию забора. Темно-серый цвет приятен для глаза – и еще он строгий, дисциплинирующий... А какая стройка без дисциплины? Расслабишься, норму не выполнишь – в срок не уложишься. А Севастьяну очень хотелось иметь свой дом. И чем скорее, тем лучше.

Отец поставил на траву банку с краской, рукавом смахнул со лба пот, отступил назад на несколько шагов, склонив голову чуть набок, полюбовался своей работой. Он был грузный, страдал одышкой, физическая работа давалась ему нелегко, но спуску он не давал ни себе, ни другим. Севастьяну пришлось постараться, чтобы хоть немного опередить его. А ма-

ма так и не смогла угнаться за ним: ей еще нужно было докрашивать свою половину пролета...

– Хорошо получилось, – пригладив мокрые от пота волосы, резюмировал отец. – Доска струганая, краска глянцевая; если еще раз покрасить, будет еще лучше. А по второму разу покрасим, когда дом уже будет стоять... Вот я думаю, какой фундамент лучше – с котлованом или без? Лучше с котлованом, но это расход бетона большой. Но я думаю, мы потянем. Возможность есть. Но без экскаватора не обойтись... Значит, давай сделаем так. Завтра у нас выходной, а в понедельник я машину сюда пригоню, будешь контролировать. И чтобы забор не порушили... Давай, матери помоги, да поедем.

«Волга» отца стояла на том же месте, где вчера находилась «Москвич» Севастьяна. И Зойка так же, как и вчера, проходила мимо нее вместе со своей подружкой. Только вид у нее сегодня был гораздо более скромный. Платье с закрытым верхом и длиннее, до колен, туфли-лодочки на низком каблуке. И еще волосы стянуты на затылке в пучок. Но улыбка такая же яркая.

– Сева, привет! – весело помахала она ему рукой.

И с родителями она поздоровалась. Подходить к ним не стала, прошла мимо, а мама, сомкнув ладони на груди в замок, замороженно проводила ее взглядом.

– Какая девочка! – восхищенно протянула она.

– Красавица, – кивнул отец. – И родители у нее хорошие,

я ее отца хорошо знаю.

– И что? – упрямо посмотрел на него Севастьян.

– Что – что... Как будто не понимаешь что, – с упреком глянула на сына мать. – На ней жениться надо. Дом у них, смотри, какой... А ты прилип к этой никчемной, как банный лист!

– Кто никчемная? Полина?! Ну знаешь!

– Я все знаю. И мать ее знаю. И с кем она шлялась, знаю!

– Но Полина не такая!

– Ну, пока не такая, а гены, знаешь ли, это гены. Рано или поздно они возьмут свое.

– А вот не знаю ничего! И завтра я приведу Полину к нам домой!

– Как домой? Завтра мы работаем, – кивком головы отец показал в сторону будущего дома.

– Но ты же сам сказал, что завтра отдыхаем, – возмутился Севастьян.

– Ну, я передумал. Разметку еще раз проведем, может, ошиблись где. Да и вообще...

– Что вообще? Не хочешь, чтобы я на Полине женился, так и скажи!

– Так и говорю.

– А вот я вас не послушаю! – взвился Севастьян. – И все равно женюсь на ней!

– Ну и женись. Ты же у нас не единственный, у нас еще дочь есть, сестра твоя. Марина уже взрослая, скоро институт

закончит, как раз дом поспеет...

– А идите вы знаете куда со своим домом! – в отчаянии махнул рукой Севастьян.

Он резко повернулся к родителям спиной и быстрым шагом пошел от них прочь. Чтобы не нагнать Зойку, он свернул в проулок.

Ему бы домой, вымыться после работы, сменить одежду, но туда дороги нет. Он поссорился с родителями... Нет, он порвал с ними. И домой не вернется. Завтра же устроится на работу, надо будет – простым каменщиком на стройку пойдет, но никто не посмеет упрекнуть его в том, что он сидит на шее у отца. А жить он будет у Полины. Если она хочет за него замуж, то примет его к себе. А если не хочет?..

Он же чувствовал, что Полина относится к нему с прохладцей. И страсти в ней нет. Вчера лежала под ним как бревно; были бы семечки у нее, могла бы и грызть их начать. Может, не созрела она еще, не развилось в ней плотское влечение? Все-таки восемнадцать лет ей всего. Для кого-то, может, это и много, а у нее замедленное развитие. Если так, то не нужно спешить. Медленно нужно разогревать ее, осторожно. Она еще будет его благодарить...

В мыслях о Полине он и не заметил, как подошел к ее дому. Но что еще более странно, едва не прошел мимо нее. Вроде бы и видел, что навстречу идет девушка с пышной «химией» на голове, с большими ярко накрашенными глазами, сочно на помаженными губами. Кофта на ней модная,

шелковая, полупрозрачная, лосины – как вчера у Зойки... Он как-то не подумал, что это могла быть Полина. Никогда она не выглядела насколько эффектно и настолько вульгарно, как сейчас...

– Полина?! – оторопело протянул он, застыв перед ней скульптурным изваянием.

– А я думаю, узнаешь или нет, – снисходительно усмехнулась она.

Признаться, она была чертовски красива. Именно чертовски, потому что было в ней что-то от дьявола. Во всяком случае, так ему сейчас казалось.

– Узнал. Выглядишь, конечно, супер.

– Ну, мы же собирались к твоим родителям, – с ехидной насмешкой напомнила она. – Вот, завивку сходила сделала, макияж, все такое...

– Э-э... Да, не ожидал я от тебя такого, – растерянно махнул он рукой.

– Чего такого?

– Ну, перевоплощения... А Зойка сегодня в платье была, ну почти как у монашки, – неожиданно для себя сказал он.

Что пришло вдруг в голову, то и ляпнулось на язык. Но слово не воробей.

– Так и беги за своей Зойкой. Веди ее к родителям, знакомь. – Полина пренебрежительно скривила губы.

– Да не нужна она мне, – мотнул головой Севастьян. – И к родителям никого не поведу, поругался с ними.

– Из-за меня?

– Не важно.

– Значит, из-за меня.

– Понимаешь, мне без тебя жизни нет. Хотят они этого или нет, но я обязательно на тебе женюсь.

– А ты у меня спроси: я этого хочу?

– Но мы же решили этот вопрос, – растерянно посмотрел на нее Севастьян. – Ты же согласилась.

– А если я передумала?

– Но мы должны быть вместе.

– Я никому ничего не должна, – безжалостно отрезала Полина.

Севастьян с удивлением смотрел на нее. Как же могла она так измениться за какой-то день! Вчера была совсем другой, гораздо более покладистой. А сейчас она стала грубой, вульгарной, как будто кто-то ее заколдовал...

– А как же заявление в ЗАГСе?

– А как же свадьба? – парировала она.

– Но ведь можно без свадьбы. Распишемся – и все.

– Ты что, ничего не понимаешь? – с жалостью, но вместе с тем непреклонно спросила она. – Не пойду я за тебя замуж.

– Почему?

Севастьян физически почувствовал, как уходит почва у него из-под ног. И хотя никакого землетрясения не было, он раскинул руки в стороны, чтобы удержать равновесие.

– Потому что мужчиной нужно быть! Имей гордость, не

цепляйся за меня!

Это был удар ниже пояса. Севастьян ощутил острую нехватку воздуха, глядя Полине вслед. Она устроила ему форменный выговор и ушла, унося с собой всяческие иллюзии. О том, чтобы жить с ней в ее квартире, не могло быть и речи.

Но и домой Севастьян возвращаться не мог. Гордость не позволяла. Он должен был выдержать хоть какую-то паузу...

Он шел как в тумане, не разбирая дороги и едва не столкнулся с Мишкой, своим бывшим сокурсником из техникума. Он жил в том же подъезде, что и Полина, но после армии Севастьян видел его впервые.

– Севка, братан! – дыхнув на него перегаром, распахнул свои объятия Мишка.

Рядом с ним, переминаясь с ноги на ногу, стоял какой-то подозрительный тип, небритый, с впалыми глазами, худой, как дистрофик, в клетчатой рубашке, заправленной в высоко поднятые трикотажные треники. Да и Мишка выглядел немногим лучше: грязная мятая кепка на слипшейся шевелюре, трехдневная щетина, глаза красные, воспаленные, растянутая футболка с некогда золотой вышивкой, старые брюки в клеточку...

– Бухаешь? – уклонившись от братских объятий, без обиняков спросил Севастьян.

– Ну бухаю! – оскорбленно вытянулся в лице Мишка. – Суббота сегодня, законный выходной. Можно и выпить чуть-

чуть... Слушай, у тебя с наличностью как?

– Что, на пузырь не хватает?

– Ну, добавить бы надо, для полноты душевной консистенции.... Слушай, ты мне зубы не заговаривай. Нет денег, так и скажи...

– Да нет, есть деньги. – Севастьян неторопливо вытащил из кармана несколько тысячных купюр.

– О! Нормально! – Мишка ликующе потер ладоши. – На три пузыря хватит! По пузырю на рыло!

– Рыло у тебя, понял?

– Да это к слову, чего ты? – Мишка трясущимися руками забрал у него деньги, пересчитал. – Пошли, тут у нас место есть!

Отказываться Севастьян не стал. Не от щедрот душевных он последние деньги отдавал, самому хотелось выпить. А Мишка, отправив своего дружка в магазин, повел его в поросший вербами овраг на пустыре между высотными домами. Там под тенистым деревом стояла старая разохшаяся бочка, а вокруг нее – дощатые ящики. Откуда-то из-под куста Мишка достал газетный сверток, из которого вынул надкушенный плавленый сырок и смятый огурец, бережно выложил все это на импровизированный стол. Нашелся и замусоленный стакан с надколотым верхом. А вскоре появился и Колька с тремя бутылками дешевого портвейна в дырявой авоське.

– Ну, Сева, ну спасибо тебе! – возбужденно бормотал

Мишка, срывая с бутылки пробку. – Вот удружил так удружил.

Портвейн, как и ожидалось, оказался дрянью, но зато уже после первого стакана Севастьян почувствовал, как заколо-силась в голове хмель-трава. И с каждым поднятым тостом это раздольное поле становилось все шире и гуще.

Севастьян был не очень высокого мнения о своем сокур-нике, да и вообще он больше любил слушать, чем говорить. А Мишка болтал без умолку, рассказывал, каким он был умным в техникуме, как откосил от армии, как работал на стройке прорабом, пока не уволили за пьянство...

– А ты, Сева, с Полинкой дружишь, да? – нахмурившись вдруг, спросил он.

– Ты откуда знаешь? – напрягся Севастьян.

– Да видел вас недавно, ты сумку ей помогал нести...

– Ну видел и видел.

– Так я не только с тобой ее видел, – сочувственно покачал головой Мишка.

– Что ты несешь? С кем ты ее мог видеть?

Севастьян потянулся к нему через бочку, озлобленно схватил за грудки, хорошенько потрянул.

– А вот и не скажу, если не отпустишь! – захныкал тот.

Севастьян разжал руки, вернулся на место, разлил портвейн по стаканам, выпил, никого не дожидаясь.

– С кем ты ее видел?

– А с мужиком каким-то. Взрослый мужик. Крутой на

вид...

– Волосы темные, жесткие, лицо треугольное, да?

– Ну да, что-то в этом роде.

– Это муж ее матери, – облегченно вздохнул Севастьян. –

Ну, типа отчим.

– Ну, не знаю. Он ее обнимал, как свою бабу. Руку на талии у нее держал. Я иду сзади, смотрю, а он рукой ее за булку мац, а она – хи-хи... Не, так отчим с дочкой не ходит – ну, если между ними ничего такого. А то бывает, что отчим и с мамкой спит, и с дочкой...

– Заткнись! – снова вспылил Севастьян. – Когда ты их видел?

– Ну, сегодня утром. Они на рынок шли, ну, на барахолку, я тоже там по делам был.

– И он ее мацал?

– И мацал. И целовал. Он ее в щеку целует, а она губы тянет... Ну и в губы тоже целовал. Куда ж денешься, когда баба сама тянется?

– А тебя он куда целовал?

– Я ему не баба, чтобы меня целовать!

– Ну, мало что с бодуна может померещиться, – ядовито усмехнулся Севастьян. – Вдруг решишь, что ты баба. Много выпил вчера?

– Ну, было. Только утром я трезвый как стеклышко был. Если думаешь, что померещилось, зря это. Видел я, как Полинка с мужиком этим лизалась.

– Я тебе сказал, пасть заткни! – выверился на Мишку Севастьян.

Он даже хотел ударить его кулаком в нос, но в сердцах лишь отфутболил ящик, на котором сидел. Сунув руки в карманы и пошатываясь, побрел к дому, где жила Полина.

На вещевой рынок она с Макаром ходила, там и отовари-лась: кофточка шелковая, лосины. И «химию» она сделала, и накрутилась. Все ради него. Откуда деньги? Но это уже не важно.

Ну не могла Полина закрутить роман со своим новым папкой! Не в ее это характере. Так думал Севастьян светлой половиной сознания, а темная нашептывала ему про дурную наследственность. Какая мать, такая и дочка... Загуляла Полина, как блудь последняя. Но ведь не она в этом виновата, это Макар ее совратил... И он, Сева, должен разобраться с этим подлецом. Он должен набить ему морду...

Севастьян остановился на половине пути, в раздумье почесал затылок. Макар производил впечатление сильного человека, и справиться с ним будет проблематично: ведь он и морально может задавить, и физически. Но это была минутная слабость, и, собравшись с духом, парень продолжил путь. Слишком сильно любил он Полину, чтобы отдать ее без боя.

Она открыла ему дверь, едва он только нажал на клавишу звонка.

– Ну наконец-то... – Увидев его, Полина изменилась в ли-

це.

Похоже, она ожидала увидеть кого-то другого, но только не его. А выглядела она, по меньшей мере, непристойно: накрашенная, надушенная, в одной футболке, которая едва прикрывала задние выпуклости, туфли на высоком каблуке. Глаза пьяные, и улыбка была блудной, пока она не поняла, кому открыла дверь. И пошлый смешок застрял в груди.

– Эй, ты чего? – настороженно насупилась она.

– Макар где? – рыкнул он.

– Нет его!

Полина попыталась закрыть дверь перед его носом, но Севастьян подставил ногу.

– Ничего, я подожду!

Он переступил порог, закрыл за собой дверь. Полина спиной вжалась в стенку, она смотрела на него испуганно и сердито.

– Что там у тебя под футболкой? – остервенело спросил он. – Ничего, да? Для Макара своего стараешься?

– Нажрался, да? – вопросом на вопрос ответила она.

– Так же, как и ты!

– Я не нажиралась! Я просто выпила.

– С Макаром? И жрешь с ним, и целуешься... Ты уже спала с ним?

– Да пошел ты!

– Значит, спала.

– Не твое дело!

– Дрянь!

Севастьян размахнулся, чтобы ударить ее. Она зажмурилась, ожидая пощечину, но он передумал. В безнадежном жесте опустил руку, прошел в гостиную, где тихо играла музыка. Стол накрыт: отбивные в кляре, вернее, то, что от них осталось, красная икра в блюдечке, сырная и колбасная нарезка, салатика... Две пустые бутылки из-под вина под телевизором, на столе два бокала.

– Я смотрю, хорошо вы здесь окопались.

Севастьян щелкнул пальцем по бокалу, на краях которого четко угадывались следы губной помады.

– Или это мать твоя пьет? – с последним и жалким проблиском надежды спросил он.

– Нет мамы, завтра будет. А ты иди отсюда! – огрызнулась Полина. – Сейчас Макар придет, он тебя по стенке размажет.

– И когда он придет?

– Скоро!

– Что ж, чем быстрее, тем лучше, – недобро усмехнулся он. – Посмотрим, кто кого по стенке размажет!

– Зачем тебе все это? – досадливо сморщилась она. – Все равно я не буду с тобой.

– А с кем будешь, с Макаром?

– А он что, по-твоему, не человек?

– Он тебе в отцы годится!

– А ты в подметки ему не годишься! С тобой никак, а с ним – как на вулкане, понял?

– Знаешь, ты кто после этого?

– Да? Если бы с тобой спала, значит, порядочной была бы, если с Макаром – то, значит, блудь? А не пошел бы ты куда подальше?

– Да нет, я сначала Макара дождусь.

Севастьян обозначил движение, будто закатывал рукава перед боем.

– Я уже здесь, – услышал он вдруг голос за спиной.

И вчера Макар смог бесшумно войти в дом, и сейчас. Тогда его выдал скрип двери, а в этот раз он заговорил, потому что ему нужно было ошеломить противника эффектом неожиданности.

– Чего ты хочешь? – спросил он внешне невозмутимо, но внутренне напряженно, с уже спущенной с цепи угрозой, которая вот-вот должна была обратиться в опасное действие.

Его природная мощь измерялась сейчас киловаттами, и Севастьян физически ощущал это. И жалел, что пошел на обострение. Не надо бы ему связываться с Макаром. Пугающая бездна в нем, бесконечная, беспросветная, смертельно опасная. Но и отступить Севастьян не мог. Может, он и слабее Макара, но характер у него не тот, чтобы сдаваться.

– Как ты мог? С ней!

Он смог собраться с духом и даже схватил Макара за грудки, но почувствовал вдруг слабость в руках и онемение в ногах.

– Руки убери! – тихо, но с громовым грохотаньем в голосе

потребовал Макар.

Севастьян разжал пальцы и тут же пожалел об этом. Макар стремительно шагнул вперед и ударил его лбом в переносицу. Будто пушечное ядро ударило в лицо, в голове затрещало, загудело, в глазах взрывались звезды. Но, как это ни странно, Севастьян удержался на ногах. Его охватила отчаянная злость человека, которому больше нечего терять, она держала его на весу, не позволяя упасть. Она же швырнула его на противника. Когда-то он всерьез занимался карате, но ни руки, ни ноги не вспомнили ни один прием из его, в общем-то, небедного арсенала. А еще в детстве он ходил на бокс, всего полгода, но именно серию простых прямых ударов и выдала сейчас мышечная память. Он шел вперед напористо, как танк: где бил, а где и просто давил кулаком, пытаясь пробить защиту Макара. И ему это удалось. Ошеломленный противник упал, стукнувшись затылком о дверной косяк, и Севастьян навалился на него, обхватив руками шею.

Но Макар снова изловчился ударить его головой. На этот раз удар оказался более слабым, но все равно на какое-то время Севастьян потерял контроль над собой и поэтому вдруг оказался под противником. Макар сжал его голову руками, с силой оторвал от пола и резко ударил об него. От боли у Севастьяна померкло сознание, а Макар продолжал бить его затылком о пол, второй раз, третий... Он мог бы его убить, если бы отчаянное упрямство не взорвало Севастьяна изнутри. Он и сам не понял, как это у него вышло, но Макар

снова вдруг оказался под ним. И он сам ударил его лбом в переносицу, потом левым локтем в челюсть, затем правым туда же.

Макар бешено взревел, в неистовстве схватил Севастьяна за грудки, опрокинул на бок, заставив левым виском удариться об острый угол перевернутого кресла. Это был очередной нокаут, но в Севастьяна будто бес вселился. Он вскочил на ноги, рывком оторвал от пола тяжеленное кресло и поднял его над головой, чтобы обрушить на врага. Макар находился в проигрышном положении. Он лежал на боку, опираясь на локоть, и ничем не мог защититься от убийственного удара. Ничем, если не считать ствол пистолета, который смотрел точно на Севастьяна.

– Стоять! – заорал он.

Вовремя осознав опасность, Севастьян застыл как вкопанный. Однако кресло оказалось настолько тяжелым, что его невозможно было удержать на весу, и ему пришлось сместиться вправо, чтобы самому не оказаться погребенным под этой тяжестью. Но кресло все равно ударило его по ноге, да с такой силой, что Севастьян растянулся на полу... Кажется, он что-то себе сломал и, похоже, не сможет подняться...

Зато Макар встал на ноги. Тряхнув головой, он снова наставил на Севастьяна пистолет.

– Знаешь, почему я тебя не убил?

В ответ, стиснув зубы, Севастьян сдавленно простонал. Больно! Как же больно!..

– Потому что я не передернул затвор, – не дождавшись отзыва, глумливо скривился Макар.

И резким движением дослал патрон в патронник.

Но на руке у него повисла Полина.

– Не надо! Ну пожалуйста! – визжала она.

– Да не буду я его убивать, – мотнул головой Макар. – Руки только марать...

Он опустил руку с пистолетом, обнял Полину за талию, привлек к себе.

– Ты проиграл, парень. Проиграл по всем статьям. И мой тебе совет: будь мужиком, умеи проигрывать. Это даже не совет. Это последнее предупреждение... Ты меня понимаешь?

Зажмурившись от невыносимой боли, Севастьян кивнул. Он действительно проиграл, и даже не столько физически, сколько морально. Да и физически он раздавлен. Наверняка у него перелом бедренной кости...

Но, как ни странно, на ноги он смог подняться без посторонней помощи. Полина так страстно льнула к своему Макару, что у нее и в мыслях не было протянуть руку поверженному кавалеру. Хромая, Севастьян шел к двери, а она взасос целовалась с Макаром. Она казалась безвольной игрушкой в его руках, он мог делать с ней все что хотел. Увы, Севастьяну не хватило удачи, чтобы его уничтожить. Но ведь все еще впереди.

– Эй! – окликнул его со спины Макар, когда он шелкнул

замком входной двери. – Сдашь меня ментам, скажешь, что у меня ствол, Полина заявит на тебя. Скажет, что ты пытался ее изнасиловать. Ты пытался, я защищал.

– Так и скажу, – подтвердила Полина.

И Севастьян ей поверил. Она действительно была готова на все ради своего Макара. Но ведь и он такой же отчаянный. Просто ему нужна передышка. А в милицию он все равно бы не пошел, не так воспитан...

Глава 5

Опухлость под глазом могла растечься в синяк, но Полина знала средство, чтобы не допустить этого. Благо мяса в морозилке хватает, спасибо Макару, на рынке сегодня сразу три килограмма шейной вырезки взял. Деньги у него были. Но не только деньги.

– Откуда у тебя пистолет? – спросила она, приложив к опухлости холодное мясо.

– Так время сейчас какое, кругом бандиты.

– Не знаю, не видела.

– Ты не видела, а я видел. В поездах их, знаешь, сколько... Недавно зэк один с зоны возвращался, на мать твою кинулся – бабу, говорит, хочу... Хорошо, я рядом был, успокоил. Кулак, правда, отбил. А был бы ствол, пристрелил бы как собаку... Только сегодня его купил.

– Где?

– Да на рынке. Азербайджанец один подошел, ствол, спрашивает, нужен? У них же сейчас там Карабах, они оттуда оружие к нам вагонами везут. За сто баксов отдал. Ствол в смазке был, чистый и непорочный, как девочка. Как ты, – весело улыбнулся Макар, заставив Полину трепетать от восторга.

То, что происходило с ней, иначе как счастьем не назовешь. Она безумно любила Макара. И так ей с ним хоро-

шо было, что крылья за спиной вырастали, и не ходила она, а будто парила над землей. И уже невозможно представить, как она раньше жила без него. Да и не жизнь это была, а жалкое существование. То ли дело сейчас...

– Наш «ГТ», тульский завод, не какая-то там китайщина. Сто баксов за такой ствол – считай, даром.

– Да, но сто долларов – это большие деньги.

– Ты за деньги не переживай, этого добра хватает.

– Неужели проводники так много получают?

– Я же тебе говорил, зарплата маленькая. Но мы же крутимся: левака наберешь, глядишь – за рейс пятьсот баксов... Еще маманя твоя завтра привезет.

– Ну да, привезет, – расстроилась Полина. – Представляю, что будет...

– А что будет?

– Ну, ты же с ней начнешь, ну, как раньше...

– И с ней, и с тобой, – насмешливо посмотрел на нее Маркар. – Ты справа, она слева. Никогда еще не пробовал сразу и с мамой, и с дочкой...

– Я тебе дам, сразу! – возмутилась она.

– Дашь, куда ты денешься. И Тонька даст... Только я у нее не возьму, – серьезным тоном сказал он. – Вышел я из того возраста, чтобы свинством заниматься. Без мамки твоей спать будем. А она пусть отдыхает.

Полина облегченно перевела дух. Но на душе остался осадок. От мысли, которая вдруг пришла на ум. Она так влюб-

лена в Макара, что готова на безумство ради него. И если бы он вдруг потребовал от нее лечь в постель вместе со своей матерью, она могла бы согласиться... Но это же так отвратительно! И как здорово, что Макар больше не хочет заниматься свинством.

– Представляю, как она злиться будет.

– Ну ты же злилась, когда мы с ней кувыркались. Теперь пусть она злится. А если возникать будет, за дверь ее выставим. Это же твоя квартира, да?

– Ну, по наследству, да.

– Ну вот, выставим за дверь, пусть живет как хочет.

– Она все-таки моя мать.

– Какая она тебе мать? – скривился Макар. – Она о тебе и не вспоминала, как будто тебя никогда и не было. И знать бы тебя не знала, если бы бабка твоя не умерла. Квартира ей эта нужна была, а не ты. Я тебе даже больше скажу: она травануть тебя хотела, чтобы ты в наследство не вступила...

– Ну нет...

В такое коварство действительно сложно было поверить. Но дело в том, что Полина не могла не верить Макару. Она готова была соглашаться с ним во всем. Потому что жила не своей, а его жизнью. Она сама чувствовала, что растворилась в нем без остатка.

– Не веришь – не надо. Убеждать я тебя не буду.

– Да нет, я верю...

– Только мы ей это говорить не будем, ладно? А то полу-

чится, как будто я ее тебе сдал. А это, поверь, не в моих правилах... Слушай, а ведь я действительно ее сдал. И знаешь почему? Потому что голову из-за тебя потерял...

Его рука забралась к ней под футболку, под которой ничего не было. Его бессовестные ласкающие прикосновения мгновенно воспламенили ее кровь, пьяную и от вина, и от любви. А к тому моменту, когда он навалился на нее, она уже закипала изнутри. Но Макар знал, что ей нужно, и пожар внутри ее в конце концов был потушен...

Яркие лучи светили в окно, выстилая светлый прямоугольник на полу в пространстве между батареей и кроватью. Это значило, что солнце поднялось уже достаточно высоко для раннего утра. Время близилось к полудню, а Полина только-только проснулась. Но ведь ее можно понять: вина вчера много выпила, а потом еще Макар чуть ли не всю ночь тушил в ней пожары. И так повернет ее к себе, и этак, и все ему мало, а ей так здорово, что никакая усталость нипочем. И все-таки она вымоталась, потому и проснулась так поздно.

А почему Макара нет в постели? А что, если он ушел? Поматросил – и за борт? Полина как ужаленная вскочила с постели, выбежала в коридор, заглянула в гостиную, где до сих пор стоял неубранный стол и валялось перевернутое кресло. Но Макара она там не нашла. Не было его и на кухне.

Обнаружила она его в ванной. Он сидел на старой стиральной машине с вытянутой рукой, перетянутой жгутом выше локтя. В другой руке был шприц. Ее появление не

всполошило его, он спокойно воткнул иголку в вену и невозмутимо стал давить на поршень шприца, вгоняя в руку мутноватую жидкость. Он говорил с ней взглядом, требуя тишины. И она не могла не подчиниться.

Он выдавил содержимое шприца, выдернул из вены иголку, снял жгут. Только тогда Полина осмелилась спросить, чем он занимается. Хотя и так было ясно, что происходит. Она же не маленькая девочка, все понимает.

– Да вот вчера по случаю пару морфина купил. – В предчувствии блаженства Макар закрыл глаза. – Волнение снять надо.

– Какое волнение?

– Не хочу с твоей мамкой ругаться, а придется. Из-за тебя. Да и тебе достанется, за тебя переживаю. Она сегодня возвращаемся, или ты забыла? – не глядя на нее, спросил он.

– Нет... Может, мы просто не станем открывать ей дверь?

– Тогда она подумает, что нас нет дома, сядет у порога, будет ждать.

Макар поднялся и, нечаянно толкнув Полину плечом, вышел из ванной. Она проследовала за ним до спальни, легла рядом с ним на кровать.

– А мы не будем выходить из дома. Продукты у нас есть...

– А я хочу выйти с тобой из дома, – с закрытыми от удовольствия глазами сказал он. – Ты у меня вся такая красивая, такая модная, это же в кайф пройтись с тобой по улице. Мужики смотрят на меня, завидуют. И в ресторан я с тобой

хочу сходить...

– Я бы не отказалась.

– Ну вот видишь... Сейчас приедет твоя мамка, и мне придется послать ее далеко-далеко. А это нервы. Или ты думаешь, что я бесчувственное животное?

– Нет.

– Тебе хорошо со мной?

– Очень.

– Ну тогда ты должна знать, что измены я не потерплю. – Улыбка вдруг сошла с его лица, губы сомкнулись в суровую линию. – Если ты мне изменишь, я тебя убью.

– Убьешь?! – внутренне сжалась Полина.

Глядя на Макара, она легко поверила, что ему хватит и злости, и решимости, чтобы убить ее за измену. Такой мужчина предательства не потерпит. Но ведь она и любит его за то, что такой крутой.

– Что, страшно? – спросил он, сменив гнев на милость.

– Ну, это так жестоко.

– И романтично.

– Не знаю.

– А я тебе подскажу. Отелло Дездемону задушил – это разве не романтика?

– Ну, может быть...

– А чего ты лежишь? Бардак в квартире, жрать нечего. Давай, приготовь чего-нибудь, да повкусней... Да и мать твою накормить надо. Мать твою... Давай, давай!

Полина повиновалась с удовольствием. Ей и самой хотелось навести в квартире порядок, приготовить обед, а если это нужно Макару, то она и вовсе рада стараться. Плохо, что мама скоро приедет. И она этого боится, и он. Не зря же в ход пошли наркотики...

На обед она приготовила голубцы. Не поленилась сходить на рынок за капустой, в магазин за рисом. И фарш в мясорубке накрутила. Не забыла она и об уборке. Макар остался доволен. И после обеда затащил ее в постель. Она не возражала, поскольку сама этого хотела. Ей очень нравилось умирать и тут же воскресать от счастья.

В постели они провалялись до самого вечера, но мама так и не появилась. Наступила ночь, но ее все не было. Не вернулась она и на следующий день. Полина сначала радовалась тому, что ее нет, но потом встревожилась. Где она? Что с ней? Но Макар нашел ответы на эти вопросы.

– Я как чувствовал, что так и будет, – глядя в окно, грустно сказал он.

– Что ты чувствовал?

– В Москве у нее мужик был. Ну, не в самой Москве, рядом. Деревня там какая-то. Мужик у нее там был, она до меня с ним жила. Но потом со мной закрутила, ну и ушла от него. С ним она весело жила, не работала, пьянки-гулянки. А ты же знаешь, я не такой, у меня принципы. Пить можно, но в меру, если уколоться, то чуть-чуть. Короче, пить я ей не давал, работать заставлял. Вот она к нему и вернулась, к

Толику этому. Я знаю, где он живет. Завтра поеду к нему, посмотрю, что там да как.

– Ты хочешь ее вернуть? – чуть не расплакалась от обиды Полина.

– Нет. Просто переживаю за нее. Если она с ним, хорошо, а если пропала, то беда. И на вокзал надо сходить, у Лидки спросить.

– У какой Лидки?

– Ну, она с нами ездила. Она в курсе.

– А она красивая?

– А ты что, ревнуешь? Это ты зря. Мне теперь, кроме тебя, никто не нужен... Завтра в Москву поеду, душу надо успокоить.

– А меня возьмешь?

– Да? Чтобы с тобой к мамке твоей заявиться? Она, если узнает, что у нас тут за каша, точно обратно вернется. Из вредности. И подсолит, и подмаслит, да так, чтобы до тошноты. Уж я-то ее хорошо знаю.

– Но я не хочу оставаться без тебя! – умоляюще смотрела на него Полина.

– Да я за пару деньков обернусь.

– Но...

– Давай без «но»! – нахмурился он. – Как я сказал, так и будет. Ты меня поняла?

Полина подавленно кивнула. Не могла она противиться его воле.

По своему обыкновению, Макар бросил в кофе кусочек сахара.

– Завтра я поеду. А сегодня мы пойдем и купим тебе новое платье. Хочу, чтобы ты была королевой на выпускном балу.

Полина чуть не задохнулась от нахлынувшего вдруг чувства вселенской благодарности. Действительно, завтра у нее последний экзамен, а еще через четыре дня – выпускной вечер. Она об этом забыла, но Макар помнил. Потому что любил ее. Очень любил. И она не должна в этом сомневаться.

– Ты должен вернуться к выпускному, – обняв его за шею, нежно прошептала она ему на ухо.

– Вернусь. И украду тебя, как чужую невесту, – запустив руку под подол ее халатика, пообещал он.

На самом деле выпускной вечер был Полине почти безразличен. Это было все равно что свадьба с Севастьяном. И она будет только рада, если Макар украдет ее и промчит через всю жизнь на своем лихом коне.

Никогда ей еще не было так тоскливо в одиночестве, как сейчас. Даже в ту ночь, когда бабушка лежала в гробу посреди гостиной, пустота в квартире и мертвая тишина не давили на нее так, как сейчас. Было такое ощущение, что она умрет, если Макар сегодня не вернется домой.

А он вернется. Ведь сегодня у нее выпускной вечер. Неспроста они чуть ли не полдня ходили по рынку, чтобы выбрать ей наряд. Не зря он выбрал для нее серебристое платье – короткое, с декольте и в обтяжку. И он не лукавил, ко-

гда говорил, что в нем она выглядит сверхсексуально. Не для кого-то Макар ее одевал, а для себя. Кто-то сегодня будет раздевать ее глазами, а он сделает это руками, и с полным на то правом... Он вернется, сегодня он обязательно вернется.

Пустая квартира по-прежнему угнетала Полину, поэтому чуть ли не полдня она провела в парикмахерской. Она должна выглядеть на все сто, чтобы у Макара вдруг не пропало желание украсть ее. А деньги у нее были – он оставил ей на жизнь полмиллиона рублей. И еще подарил жемчужное ожерелье, чтобы на выпускном балу она была королевой.

На вечер она опоздала, актовый зал уже был полон, директор читал праздничную речь. Но она думала только об одном: хоть Макара здесь и нет, но он незримо присутствует рядом. А это значит, что она не должна ни с кем флиртовать, должна быть раскрепощенной, но при этом совершенно недоступной.

Не зря она училась ходить на каблуках, вспоминая, как делала это Зойка. Тяжело было в учении, зато сейчас походка у нее легкая, игривая, правда, бедра покачиваются едва-едва, но ведь она никого не собирается соблазнять, и ей во все незачем крутить «восьмерки». Она шла к актовому залу по гулкому коридору. Тук-тук, стучали ее каблочки, тук-тук. А навстречу шел Олег Бирюков – высокий стройный парень с женственно-красивым лицом. Раньше он проходил мимо Полины, едва замечая ее, а сейчас его глаза приклеиваются к ней, лицо недоуменно вытягивается, нижняя челюсть отви-

сает. Тело проходит мимо, а голова остается, как бы шею не скрутил себе, бедняга.

Олег прошел мимо, но Полина даже взглядом его не удостоила. Бум! И все-таки ей пришлось обернуться. Бирюков распластался по стене, как распятая на заборе лягушка, а перед его носом качался маятником плакат о вреде курения. Из-за чрезмерного любопытства бедняга сбился с прямой и боком врезался в стену. Макар был бы доволен. Полина снисходительно усмехнулась, подумав об этом.

– Олечка, с тобой все в порядке? – услышала она вдруг позади знакомый женский голос.

И снова ей пришлось обернуться, потому что Зойку игнорировать было по меньшей мере глупо. Она остановилась с независимым видом, без всякой суеты повернулась к ней.

Зойка рассматривала ее с интересом. Легкая небрежная улыбка кривила ее верхнюю губу. Но Полина видела, что за этой показной неприязнью скрывается самая обыкновенная зависть. Неужели красавица Зойка решила, что проигрывает той, кого за глаза называла серой мышкой и с которой дружила чуть ли не из жалости?

– А я смотрю, что это за цаца такая! – Ей пришлось напрячься, чтобы выдать из себя дружелюбную улыбку. – А это наша Полина!.. Платье коротковато, а так ничего.

На ней также было блестящее платье, но не серебряного, а бронзового отлива. И чуть подлинней, чем у нее. Зато декольте такое, что пышный бюст едва не вываливался из него.

– И бижутерия ничего, – глядя на ожерелье, добавила она.

Полина не стала говорить, что это морской жемчуг, может, и не самый крупный, но зато настоящий. Ей все равно, что думает Зойка.

– А папочка твой где?

– Что? – всколыхнулась Полина.

– Ну, папочка твой, который с мамочкой, – в язвительной улыбке расплылась Зойка. – И с тобой... Вы как там, втроем в одной кровати спите?

– Сука!

Полина стремительно шагнула к ней и с размаху влепила пощечину. Удар оказался настолько сильным, что Зойка упала, высоко задрав ноги.

Полина с удивлением смотрела, как поднимается на ноги ее бывшая подружка. Никак не думала она, что способна на такой отпор.

Она была удивлена, но не растеряна. И готовилась ответить Зойке новую затрещину, если та попытается взять реванш.

– Ну ты и дура!

Зойка чувствовала ее настроение, поэтому испугалась. Стоит, чуть не плачет, пальцами красноту на щеке потирает.

– Не спит он с мамочкой, поняла? Он спит только со мной! – раскуражилась Полина. – Еще что-то хочешь узнать?

– Что это на тебя нашло? – чуть ли не с суеверным ужасом смотрела на нее Зойка.

Уж не решила ли она, что видит перед собой ведьму на шабаше? А Полина готова быть ведьмой. Лишь бы только Макар был с ней. Лишь бы никто не лез в ее личную жизнь.

– За языком следить надо!

– Ну извини, – окончательно сдалась Зойка.

И в это время со стороны парадных дверей появился Севастьян. Он видел Полину, но старался на нее не смотреть. Все его внимание, казалось, было приковано к Зойке. Важный, сосредоточенный, независимый, он подошел к ней, с хозяйской развязностью обнял ее за талию. Он заметно прихрамывал, и под глазами его желтели синяки – следы недавнего побоища с Макаром. Сева был одет с иголочки: модный батник в желто-голубую полосочку, зеленые джинсы.

– Это у тебя что такое? – спросил он, рассматривая красноту на щеке *своей* девушки.

– Да так, упала, – потупилась Зойка.

Она хотела пожаловаться ему на Полину, но свое поражение признать не решалась. Вдруг Севастьян узнает, за что она получила. А ведь это он рассказал ей и про Макара, и про маму, с которой тот жил до Полины.

Но Севастьян и сам обо всем догадался.

– Твоя работа? – глянул он на Полину.

– Да пошел ты! – презрительно фыркнула она.

И так резво повернулась к ним спиной, что едва не сломала каблук.

– Сука! – бросила ей вслед Зойка.

Но Полина даже не обернулась. Зато вскинула вверх правую руку и перекрыв ее левой, согнула в локте. Пусть отправляется по этому адресу вместе со своим Севой.

Торжественная часть уже закончилась, когда она подошла к дверям актового зала. Дальше – кафе рядом с техникумом, праздничный стол, танцы. Деньги на банкет Полина сдавала, и Макар знал, где нужно ее искать. Но ей совсем не хотелось общаться со своими однокурсниками. Возможно, Зойка уже разболтала всем, в какой развратной семье она живет, с кем и как спит. Ну и как после всего этого относиться к Севастьяну?

Она решила, что ей ничего не остается делать, как отправиться домой. С деньгами у нее все в порядке, по пути зайдет в какой-нибудь бар, возьмет хорошего вина. Потом она пойдет домой, а когда появится Макар, торжество продолжится. А рассвет они встретят в постели, и это будет очень романтично...

Она знала, в каком баре по вечерам можно было купить хорошее вино. Располагался он в подвальном помещении мебельного магазина, недалеко от ее дома. Туда она и спустилась, не думая о том, что вид у нее далеко не самый скромный. Мягкая музыка, полутона, обшитый мореным деревом зал, барная стойка, бородатый толстяк за ней с красным, как у Деда Мороза, носом. Ему бы еще бороду побелить...

– Чего желаем? – спросил он, окинув Полину оцениваю-

щим взглядом.

Судя по тому, как он усмехнулся в усы, мнение о ней со-
здалось не самое высокое. Она поняла, что ее приняли за
проститутку. Как ни странно, это ее не разозлило. Вот ес-
ли бы бармен обозвал ее вслух, тогда бы она точно устроила
скандал. А так пусть думает что хочет. К тому же проститут-
ки тоже люди.

– Бокал вина.

Людей в баре было совсем немного. Несколько парней с
девушками за одним столом, немолодая уже парочка – за
другим. Вот, пожалуй, и все. А за барной стойкой она одна.
И почему бы немного не посидеть, не передохнуть? Не так
уж и просто ходить на каблуках, ноги устают.

– Какого?

– Красного, французского, – забравшись на высокий стул,
сказала она.

– Нет французского, есть молдавское, тоже ничего. Но до-
рого, пятнадцать тысяч за бокал.

Полина выразительно посмотрела на него: дескать, за
деньги он может не переживать.

Бармен молча поставил перед ней бокал. Она полезла в
сумочку, но прежде, чем она достала деньги, на стойке по-
явилась двадцатидолларовая купюра.

– За нее и за меня, – услышала она справа от себя густой
зычный голос.

С ликующей улыбкой она повернула голову на звук, ожи-

дая увидеть Макара, но рядом с ней стоял совершенно незнакомый парень. Короткая стрижка, кряжистая голова, массивный лоб, маленькие жгучие глазки, кривой нос, тонкие губы, тяжелый выпяченный подбородок с ямочкой, бычья шея, мощные плечи, мускулистые руки. И энергетика у него такая же сильная, как у Макара. Только вот не было в нем той сумасшедшей притягательности, которая бы заставила ее потерять голову.

– Не надо за меня платить, – протестуя, мотнула она головой.

– Да ты не переживай, кроха, в счет это не войдет, – свысока хмыкнул он.

– Я тебе не кроха!

Полина все-таки достала из кошелька две десятитысячные купюры, положила их на стойку.

– А кто же ты такая? – с похотливым интересом рассматривал ее парень.

– Кто надо! – раздраженно бросила Полина.

Бокал вина стоит перед ней, алкоголизмом она не страдала, но и добро пропадать не должно. А времени посидеть за этим бокалом у нее не было, поскольку обстоятельства вынуждали уносить ноги. Девушка набрала в легкие воздуха и залпом осушила бокал. Вино мягкое, приятное – желания закусить не возникло. Разве что поморщиться немного в кулак.

– Я смотрю, ты все делаешь как надо! – засмеялся парень.

– Оставь меня в покое!

Она повернулась к нему спиной и стремительным шагом вышла из бара. На пороге она споткнулась. Каблуки не сломала, но что-то стрельнуло в ногу, на вывих не похоже, но дальше она пошла, слегка прихрамывая.

– Чего ж ты такая неосторожная?

Незнакомец из бара догнал ее на улице и с ходу положил руку ей на талию.

– Отстань! – отстранилась она.

– Чего ты такая брыкучая? Я ж тебе реальные бабки предлагаю! Сто баксов за ночь.

– Чего? – взбешенной кошкой глянула на него Полина.

– Что чего? Твои подружки за пару баксов мундштук шлифуют, а тебе сотни мало.

– Какие подружки?! Я тебе не проститутка!

– Да? Значит, ошибся.

– Твои проблемы!

Полина развернулась к нему спиной, но парень схватил ее за руку.

– Куда ты? Мы можем просто посидеть, выпить.

– Не хочу!

Она попыталась вырваться, но грубиян продолжал держать ее за руку.

– Я тебя никуда не отпущу! – Он смотрел на нее пристально, с насмешкой уверенного в своем полном превосходстве человека.

– Пусти!

– Расслабься, детка, легче пойдет.

– Пойдешь ты сам! – в состоянии, близком к панике, закричала Полина. – Пусти, сказала!

Но парень продолжал удерживать ее.

– Я Макару все расскажу! Он тебя убьет!

– Чего? – потешаясь над ней, хохотнул он.

– У него пистолет есть! Он тебя застрелит!

– Из какого дерева пистолет? Сосна, липа? – продолжал глумиться он.

– Из железа! Тульский «ГТ»!

– Да? Ну и где твой Макар?

Полина мысленно зывала к Макару. Ну почему его нет рядом? Почему он не появляется? Ведь он обещал быть.

– Давай его сюда! Я его прямо здесь опущу! – Парень отпустил Полину, чтобы изобразить перед ней движение, с которым лыжник стартует с места.

И в это время кто-то вдруг схватил его за плечо, развернул к себе лицом и со всей силы ударил в челюсть. Парень подался в сторону, тут же попытался шагнуть навстречу неожиданному противнику, но это у него не вышло: ноги вдруг подкосились в коленях, и он рухнул наземь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.